

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Валерий Медведев

**НЕИЗВЕСТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРАНКИНА**

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

«САНТАКС-ПРЕСС» 1997

Валерий Мезведев
**НЕИЗВЕСТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БАРАНКИНА**

Художник
А. Шагелдян

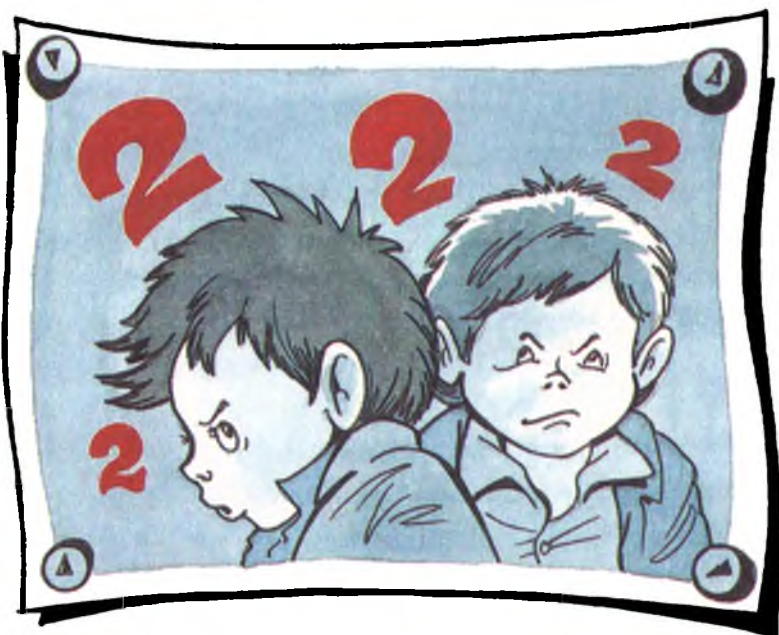
«САНТАКС-ПРЕСС» 1997

Герои этой повести — хорошо известные и любимые ребята неунывающие мечтатели Юра Баранкин и его лучший друг Костя Малинин. Из книги вы узнаете о приключениях Юры и Кости до их замечательных превращений в муравьев, бабочек и воробьев.

ISBN 5-88970-012-X

© Медведев В. В., 1996
© Илл. Шахгелдян А. А., 1996
© Издательство «Сантакс-Пресс», 1997

СОБЫТИЕ САМОЕ ПЕРВОЕ

*Последняя двойка
перед каникулами*

Вы помните, как начинается книга «Баранкин, будь человеком!»... Уж я-то хорошо это помню. Вот как она начинается: «...Если бы Юра Баранкин и Костя Малинин не умудрились получить двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в их жизни не приключилось бы, но двойки они схлопотали, и поэтому на следую-

щий день с ними случилось что-то невероятное, фантастическое и, можно сказать, сверхъестественное!..»

Но, оказывается, что дело все не только в том, что Баранкин и Малинин в начале учебного года схлопотали по двойке, оказывается, что и в предыдущем учебном году, когда до летних долгожданных каникул оставалось буквально несколько дней, Юра и Костя умудрились получить две самые последние двойки!..

Что тогда в классе поднялось! Ну почти то же самое, что в книге «Баранкин, будь человеком!»

«...На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста класса, подошла к ним и сказала: «Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!» Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против Юры с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку».

Правда, Алик Новиков тогда не фотографировал Юру с Костей и не поместил эту фотографию в стенгазету, потому что он еще не был спецкором классной стенгазеты. И стенгазета тогда еще оставалась такой красивой, так что две мрачные физиономии Баранкина и Малинина — физиономии типичных двоечников — еще не могли испортить ее внешний живописный вид.

Дело в том, что Эру Кузякину тогда только

что назначили ответственной за стенгазету, и стенгазета распустила свой пышный и красивый, как у павлина, хвост только с первых дней будущего учебного года.

Тем временем дальше в классе все тоже продолжалось примерно так, как в книге «Баранкин, будь человеком!» — в том смысле, что Зина Фокина и все одноклассники как один не дали Косте и Юре даже опомниться, а сразу же напали на них всем классом, чтобы они успели исправить двойки за те несколько дней, которые остались до конца учебного года...

Надо сказать, что Зина Фокина тоже совсем недавно стала старостой класса. Прежняя староста Оля Тихонова к концу года так разболелась хронической ангиной, что не могла уже совладать не только с нарушениями дисциплины и нормальной учебой в своем классе, но и со своей болезнью.

— Ты, Баранкин, будь человеком! — сказала громко на весь класс Фокина (сказала она уже не в первый раз!). — И ты, Малинин!.. Исправьте двойки! И немедленно!..

Тихонова была, вообще-то, немного мямлей, хотя и считалась примерной ученицей, а у Фокиной восклицательные знаки так и сыпались из рта. А главное — бывшая староста класса Тихонова напустилась, конечно, время от времени на Баранкина и Малинина, но никогда не говорила: «Баранкин, будь человеком! Будь человеком, Баранкин!..» А эта Фокина, можно сказать и староста-то без году

неделя, уже повторила это Баранкину двадцать пять раз, нет, двадцать шесть раз, точно, двадцать шесть раз. (Баранкин на всякий случай этим выпадам уже вел счет у себя в блокноте!)

Юра Баранкин смотрел на краснощекое и пышущее здоровьем лицо Зины Фокиной и думал: «От этой, пожалуй, не только хронической ангины, обычного насморка не дождешься...»

У прежней старосты класса Оли Тихоновой и голосок был тихий, а у этой, у Фокиной, как у будильника.

— Ну, Юра, ты же знаешь, как нам с Эрой трудно, меня только что старостой выбрали, а Эра редактором стенгазеты стала... Ну исправьте двойки, и немедленно! Помогите нам с Кузякиной.

— Чего, чего? — возмутился Баранкин. — Вы, может быть, еще захотите, чтобы мы с Костей исправили наши двойки прямо сейчас, у вас на глазах?!

— Что мы вам, фокусники, что ли, какие?! — рассердился Костя Малинин. — Чтобы из карманов пятерки повытаскивать на глазах у изумленной публики?

— Мы вам не сыновья Кио и Акопяна! — сказал Баранкин. — И вообще, — продолжал он, — учебный год кончается!.. У нас с Костей наблюдается полное нервное истощение и упадок всех сил!..

— Учебный год для них кончается! — взвизгнула Эра Кузякина. — Он для вас, по-моему, еще и не начинался!..

— Извините, для нас лично нормальный год начнется только тогда, когда кончится учебный! — подхватил Костя Малинин.

— Ну, Юрочка, ну, Костенька! — залебезила вдруг Зинка Фокина.— Я вас даже не по-хорошему прошу, а по очень хорошему, ну исправьте за оставшиеся дни две свои двоечки!.. Ну не переносить же их на следующий учебный год?.. Если уж переносить, то лучше пятерочки!..

Юра подумал и сказал:

— Хотя у нас и полное всеобщее и нервное истощение, но чтобы перенести две двойки на будущий учебный год, на это сил у нас еще хватит... Я правильно говорю, Костя?

— В отличие от всех остальных,— Костя обвел рукой свой класс,— ты всегда говоришь правильно, Баранкин!

— А насчет этих самых пятерок, я вам вот что скажу,— продолжал Баранкин,— Михал Михалыч нам как-то на дополнительном уроке сказал: «Я вам,— говорит,— Баранкин и Малинин, ставлю с наслаждением двойки, потому что я знаю, что вы оба абсолютно ничего не знаете по геометрии и я не грешу против истины!.. Когда же я ставлю пятерку какому-нибудь отличнику, я думаю, а не забудет ли он сразу же, выйдя из класса, то, что сейчас ответил мне на пять?» Соображаете, об чем речь?.. От нас ему наслаждение, а от вас?..

Малинин тут же взял и опять несколько развил речь Баранкина:

— Есть такие отличники, объяснял нам Михал Михалыч, которые знают все на пять, пока отвечают урок... А спроси его после урока про теорему Пифагора, он о ней знает только, что «пифагоровы штаны на все стороны равны...» Соображаете, об чем речь?..

— Мы-то соображаем,— сказала Фокина, переглянувшись с Кузякиной,— сообразите лучше вы с Малининым, как срочно исправить двойки.

— Мы исправить, вообще-то, можем,— протянул Баранкин, подмигнув Малинину,— но мы боимся, что Михал Михалыч может это заметить...

— Понимаете,— стал разъяснять мысль Баранкина Малинин.— Двойку на тройку очень трудно переправить, вот тройку на восьмерку легко, только, к сожалению, такой отметки не существует.

— Как тебе не стыдно, Малинин,— возмутилась Эра Кузякина,— мы вас не в дневниках просим исправить отметки, а в ответах у доски!

— Ах, у этой у доски можно сдохнуть от тоски,— пропел Малинин довольно красивым и, как говорится, от природы поставленным голосом.

— Вот ведь и петь может, если захочет! Сегодня позанимаетесь весь день с Юрой, завтра утром пересдадите, а днем придете в школьный сад,— ласково сказала Зина Фокина.

— В сад? — удивился Баранкин.— Это еще зачем в сад?.. Гулять, что ли?..

— Зачем гулять? — так же ласково сказала Зина Фокина.— Рыть ямки специальные для будущих посадок. Заранее внесем специальные удобрения.

— Специальные! Какие специалисты развелись! За лето ямы осыпятся да травой зарастут,— сказал Юра.

— Точно,— подтвердил Костя.— И компост в них потеряет свои ценные качества!

— А суперфосфат перестанет быть супером! — сострил Юра.

— Он еще и слово компост знает! — усмехнулся Алик.

— А как же,— начал разъяснять Юра,— ямы для обеда деревьев, на первое — суп — суп-пер, на второе — фосфат, на третье — сладкий компост из гнилых фруктов!

— И про суперфосфат тоже все знают! — удивился Венька Смирнов.

— И про компост!..

— Про что не надо они все знают, а про что надо — ни бум-бум!..

— Не исправите — смотрите, Михал Михалыч годовую двойку вам выведет!

— Подумаешь, чем испугали,— пожал плечами Юра.

— Зиночка,— предложила Эра Кузякина,— да

хватит нам с ними в одиночку церемониться, давайте возьмем их в оборот всем классом!..

— Придется,— согласилась с Эрой Фокина и скомандовала: — Три-четыре!

И весь класс хором произнес:

Костя — Юра, слово массам,
Мы проводим вас всем классом,
Мимо сада, мимо тира,
До баранкинской квартиры,
И за стол без споров лишних
Сядьте с Яковлевым Мишей
И займитесь с ним учебой,
В результате было б чтобы,
Чтобы две печальных двойки
Вы исправили на тройки,
Ну а, честно вам сказать,
Лучше, если бы на пять!
Нам отпор не нужен ваш!
Встать! И к цели шагом марш!

Вероятно, точно такое же впечатление производил древнегреческий хор в своих древнегреческих спектаклях на древнегреческих зрителей, какое впечатление произвел на Баранкина и Малинина хор своих одноклассников.

— Ну, знаете,— после большой паузы сказал первый раз в жизни вроде бы растерявшийся Баранкин,— это уже как в «Чапаеве» получается!.. Это уже какая-то психическая атака,— Баранкин знал, что лучше всего на стихи было бы ответить

стихами, и, пока отвечал прозой, одновременно сочинял ответ в рифму. И сочинил-таки...— А вашему хору мы вам с Малининым лично ставим «неуд».

— Три-четыре! — опять скомандовала Фокина.

— Это почему «неуд»? — дружным хором спросил снова класс Баранкина и Малинина.

Баранкин что-то прошептал на ухо Малинину, и они в один голос громко произнесли:

Сразу видно, что не Пушкин
Написал эти частушки!..

Двухголосый ответ, да еще в рифму, да еще в довольно складную, вообще-то, произвел на ребят некоторое впечатление, но Фокина не унималась и дала знак ребятам: «Три-четыре!»

А за такой экспромт вам Пушкин
Дал бы с Костей по макушке!..—

дружно ответил весь класс.

И тут Баранкин понял, что сопротивляться классу бесполезно. Если первые стихи были, конечно, подготовлены заранее Зиной Фокиной или Эрой Кузякиной, то второй стихийный ответ класса поверг Баранкина в недоумение, в бессилие и в полное подчинение классу. Последняя слабая попытка сопротивления, которую он старался оказать одноклассникам, выглядела весьма жалкой и не имела никакого эффекта. Юра Баранкин сказал, обращаясь лично к Веньке Смирнову:

— Смирнов, ты что орешь вместе со всеми? У тебя у самого двоек навалом!

— Навалом,— согласился Смирнов, хихикая,— но ни одной из них ни самой первой, ни самой последней!..

В этом была своя логика, и после этого Баранкин и Малинин как бы внутренне сказали: «Сдаемся!...» и как бы, тоже внутренне, подняли вверх руки...

Юра Баранкин и Костя Малинин шли в окружении школьного конвоя домой. Погода была прекрасная. В такую погоду лифтерша в Юрином доме всегда, смеясь, говорила: «Погода шепчет — бери расчет...» На всюю зазеленевших деревьях и на газонах не просто бездельничали, а вели себя словно на большой перемене воробьи, и не какие-нибудь там двадцать минут, как все школьники, а уже с самого утра. И будут бездельничать до вечера. И всю жизнь с утра до вечера. Над клумбами как хотят и куда хотят порхали бабочки. Было сразу видно, что все они, как одна, бессознательные и неорганизованные. Какая-то смутная мысль, похожая на желание, в который раз шевельнулась в душе Юры Баранкина, мысль, похожая на строчки из какого-то стихотворения, которое он то ли где-то прочитал, то ли сам придумал: «Я уверен, без забот воробей живет!» Баранкин в который раз присмотрелся к воробьям и подумал, что нельзя себе было и представить,

чтобы кто-то из воробьев кого-то куда-то поволок бы силой против его воли. Занятий у них нет, значит, и репетиторов таких противных, как этот отличник Мишка Яковлев, у них тоже нет, и вообще, никто не делит воробьев и бабочек на отличников, хорошистов и двоечников. И не призывает: «Будь воробьем или бабочкой!» Все они просто воробьи и бабочки. Самые обыкновенные! И все!.. А тут... Вон что творится!.. Сплошное насилие над личностью!..

Окруженные тесным кольцом одноклассников, Баранкин и Малинин неминуемо приближались к Юриному дому. Малинин осмотрелся вокруг, и ему пришлось на ум:

— Правильно в русской народной песне поется,— а затем запел довольно приятным голосом: — «Любовь кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...»

— Малинин, а почему бы тебе не участвовать в школьном хоре? — спросила его Кузякина.— С таким приятным голосом, как у тебя,— тебе там самое место.

— Потому что есть такая школьная шутка,— начал объяснять Малинин Кузякиной,— примерно такой ученик, как Венька Смирнов,— Венька тут же наострил уши,— приходит домой и показывает дневник, в котором одни двойки и только по пению пять... Отец, просмотрев дневник, говорит: «С такими отметками и ты еще поешь?.. А ну, снимай штаны!..»

— А почему это такой ученик, как я, а не такой, как ты? — взъерепенился Смирнов.

На этот вопрос Малинин ответить не успел, потому что школьное оцепление довело их до баранкинской квартиры.

— Баранкин, будь человеком! — произнес школьный хор на прощание.

— А что я, *пяти-кантроп*, что ли? — спросил на прощание Баранкин.

— В лучшем случае, — сострила Фокина, — ты шестикантроп, и то с большой натяжкой...

Все засмеялись, а Баранкин в который раз пожалел, что Оля Тихонова перестала быть старостой класса. Уж у нее-то на такое просто не хватило бы здоровья...

— Счастливо оставаться! — пожелал весь класс, воздев приветственно вверх руки.

— Общий! — протянули в один голос Баранкин и Малинин.

Но после школьного хора два голоса Юры и Кости опять прозвучали весьма неубедительно. Юра, Костя и Миша Яковлев подошли уже к входной двери подъезда, когда из-за кустов сирени, разукрашенных весенними зелеными листиками, выскочил Венька Смирнов и протявкал:

— Счастливо оставаться!..

СОБЫТИЕ САМОЕ ВТОРОЕ

Бег ради бегства

Юра Баранкин достал из почтового ящика «Вечерку» и заглянул в нее.

— Ребята! — воскликнул он. — Сегодня же День бегуна!..

— Ну и что? — спросил Малинин.

— Символично! — Баранкин протянул газету Малинину и приказал: — Между делом изучи маршрут!..

После этого все трое стали подниматься по лестнице.

Миша Яковлев никогда не был в гостях у Юры Баранкина, хотя между одноклассниками о его комнате ходили легенды и сочинялись сказки.

Все сходились в одном: что у Баранкина все не так, как у людей, а «что все не так у людей» сводилось к следующему образному заключению, что пол у него похож на потолок, а потолок похож на пол. Миша Яковлев с нетерпением ждал, когда откроется дверь в этот, как сказали бы взрослые, парадокс.

Наконец, кончив возиться в прихожей, Баранкин распахнул дверь, и Миша Яковлев, с опаской вытянув шею, которая и без того у него была длиннее, чем у других мальчишек, сначала повертел ею в разные стороны, затем перешагнул через порог почти так же, как входит неопытный ку-

пальщик в холодную воду. То, что он увидел, его несколько, интеллигентно говоря, ошеломило, а если выразиться попроще — то ошарашило...

Прямо против входа в комнату висела цветная репродукция с картины художника Решетникова «Опять двойка». На этой картине, кто ее видел, тот помнит, что изображено: мальчик с портфелем в руках, получивший двойку. Мама с укоризной глядит на сына, и младший брат на велосипеде с выражением на лице: «Ну, сейчас тебе мама задаст!» И собака, положившая передние лапы на грудь мальчика, как бы успокаивая: «Да ладно! Не расстраивайся! Не в пятерках счастье!..»

Сама комната походила на стройплощадку чего-то непонятного и даже таинственного, тем более, что это определялось и подчеркивалось железной табличкой, которой украшают заборы, за которыми что-нибудь строят: «Не пускайте детей на стройплощадку! Это опасно для жизни!»

Вняв табличке, Яковлев снова закивал головой, только теперь вверх-вниз. Баранкин пригласил:

— Если не боишься за свою жизнь, то проходи!..

Яковлев переступил порог комнаты задрав голову. На потолке висел плакат: «МОЖНО ЛИ ВСЕМУ, В ТОМ ЧИСЛЕ МАТЕМАТИКЕ, УЧИТЬСЯ ВО СНЕ?...» На этот вопрос ответа не было. Но на следующем плакате на вопрос: «МОЖНО ЛИ РЕШАТЬ ЗАДАЧИ МИХАЛ МИХАЛЫЧА ВО СНЕ?...» — был дан ответ: «МОЖНО! ЕСЛИ МИ-

ХАЛ МИХАЛЫЧ В ЭТО ВРЕМЯ БУДЕТ СПАТЬ РЯДОМ!» «МОЖНО ЛИ РАСТИ БЫСТРЕЕ?..» Этот вопрос тоже был без ответа. «МОЖНО ЛИ, ЧТОБЫ ДЕРЕВЬЯ РОСЛИ ТАК БЫСТРО, КАК ВЗРЫВ ОТ СНАРЯДА?..» Решение этой проблемы тоже не пришло еще в голову автору. На вопрос: «МОЖНО ЛИ ПЕРЕДЕЛАТЬ ДВОЙКУ НА ПЯТЕРКУ?» — был дан ответ: «МОЖНО, НО БУДЕТ ЗАМЕТНО!» Но многие вопросы остались гласом вопиющего в пустыне. Например, рядом висел лист, на котором было написано: «А ЧТО, ЕСЛИ ВЗЯТЬ, ДА...» А чуть ниже: «А ЕСЛИ НЕ БРАТЬ, ТОГДА ЧТО?..»

Левее на листе было выведено: «Я УВЕРЕН — БЕЗ ЗАБОТ!» Что без забот?! Ничего было нельзя понять!..

Еще выше висел лист тоже с непонятной надписью: «ОН ЭТО ВПИТАЛ С МОЛОКОМ МАТЕРИ!.. в скобках (как говорят взрослые) РАЗВИТЬ И ДОПОЛНИТЬ В СМЫСЛЕ: МОЛОКО, ОБОГАЩЕННОЕ ТЕОРЕМОЙ ПИФАГОРА!!!»

Над столом висел кусок белого ватмана с надписью: «ЧЕРТЕЖ МАШИНЫ УСКОРЕННОГО РОСТА ЧЕЛОВЕКА!», но самого чертежа почему-то не было. «Или ничего этого на самом деле нет,— подумал про себя Яковлев,— или это все засекречено... Просто какая-то клинопись... Вот расшифровать бы...» На полу было заготовлено еще несколько плакатов в том же духе: «А МОЖНО ЛИ?..» Но дальше оставалось пустое безответ-

ное пространство. В центре всех этих плакатов красовался кусок картона, на котором были наклеены вырезанные из всевозможных журналов и газет фотографии воробьев. Воробьи на них летали, клевали, купались в лужах, грелись на солнце. Яковлев почему-то покачал головой и сказал:

— Ты меня, Баранкин, извини, мне раньше казалось, что ты ну совершенно ничем не интересуешься, а теперь я вижу, что ты вроде бы как будто хочешь изучить жизнь воробьев?

— Почему это я хочу изучить жизнь воробьев? — высокомерно заявил Юра. — Я, может, горю желанием, чтобы они изучили мою жизнь?!

Яковлев успел заметить, что под фотографиями воробьев было выведено мелким почерком Баранкина: *«Это Воробыния! А что в Бабочконии?..»*

Осмотрев все внимательно в комнате Юры Баранкина, Миша Яковлев сказал:

— «...Противуречья есть и многое не дельно!..»

Это была цитата из пьесы Грибоедова «Горе от ума», но Баранкин и Малинин этого не знали, поэтому пропустили ее мимо ушей.

— Между прочим, мимо нас пробегает... — пробубнил Малинин вдруг, изучая «Вечерку».

— Что мимо нас пробегает? — насторожился Яковлев.

— День бегуна пробегает мимо нас с Баранкиным, мимо тебя он не пробегает...

— А-а,— протянул Яковлев.

А Баранкин многозначительно произнес:

— Так нам и надо!..

— Я, Баранкин,— заговорил Миша,— как будто в твою голову попал, а не в комнату, такой у тебя везде беспорядок... А интересно бы превратиться в молекулу взаправду и очутиться у тебя в мозговых извилинах,— размечтался Яковлев.

— Не советую, заблудишься,— отрезал Баранкин.

— Что заблужусь, это точно,— согласился Яковлев.— Или попаду в тупик. У этого Баранкина,— продолжал Миша изыскательским голосом,— в голове вместо мозговых извилин мозговой лабиринт. Мысль идет-идет, смотришь — заблудилась!..— рассуждал сам с собой Миша. Он любил иногда доказывать что-то сам себе вслух и даже порой с собой поспорить. При этом он еще успел заметить, что над подоконником висит микроскоп, направленный в небо, а на полу телескоп, наведенный на блюдце с водой...

— Интересный ты, Баранкин...— сказал Миша Юре и замялся.

— Что интересный? — подхватил Юра.— Человек, да?..

— Видишь ли,— протянул Миша Яковлев, словно с трудом подбирая слова,— тебе Зина Фокина сказала, что ты шестикантроп с натяжкой, но я бы лично прибавил до семикантропа... А если честно, интересный ты, Баранкин, ну очень интересный. Кстати,— продолжал Миша,— а почему у тебя микроскоп направлен в небо, а телескоп в

блюдец с водой, когда по логике все должно быть наоборот?

— Потому что я так изучаю грипп,— объяснил Баранкин.— Я хочу уловить самое начало инфекции. Его первую волну.

— Взрослые с гриппом и то ничего не могут поделать, а уж тебе-то куда...— засомневался Миша и тут же добавил: — М-да, от микроскопа до телескопа! Есть о чем подумать!..

— Понимаешь, Яковлев,— продолжал Баранкин оттягивать начало занятий.— Взрослые, они неправильно рассуждают, они думают, что гриппом болеет человек, а я думаю, что гриппом болеют сами вирусы и сначала надо лечить от гриппа микробов, а человек сам выздоровеет... Понимаешь, Яковлев...

— Я понимаю,— начал разоблачать Яковлев Баранкина,— я-то понимаю, что ты, Баранкин, меня и себя всеми способами отвлекаешь от цели — я пришел заниматься с вами математикой, а не гриппом, поэтому давайте не терять времени даром! — Яковлев задрал голову, закатил глаза, как птица, пьющая воду, и скороговоркой произнес, не делая между словами пауз: — Задачаномертристадевяностодва. «Ребята пололи на пришкольном участке клубнику. Один из них прополол в два раза больше, чем другой, а третий прополол восемь рядов. Сколько рядов прополол первый мальчик и сколько второй, если все трое прополлоли двадцать шесть рядов».

Говорили, что отличник Миша знает все учебники наизусть. Баранкин с Малининым этому не верили, но, услышав барабанную, без запинки, дробь, готовы были в это поверить.

— Ну, что вам непонятно в этой задаче? — спросил Яковлев, глядя на Юру и Костю как на малышей из детского садика.

Этого Баранкин перенести не мог.

— Нам в задаче непонятно одно: зачем Михаил Яковлев теряет в квартире Баранкина зря свое отличниковское драгоценное время?

— Как это зря? — обиделся Миша. — Я ничего не теряю, я пришел, чтобы помочь вам...

— Тогда ты нам очень поможешь, если оставишь нас с Малининым вдвоем, — сказал Юра Баранкин, — не маленькие... Отвернись! — неожиданно приказал Баранкин Яковлеву. — Тот отвернулся. — Мы сами с усами, — сказал Баранкин и скомандовал: — Повернись!

Миша повернулся и увидел Баранкина и Малинина действительно с усами. Это было настолько неожиданно, что Яковлев оторопел.

— Понял, куда мы сейчас с Малининым намотали твою задачу?.. На ус! И без твоей помощи!..

— Я что?.. Я — пожалуйста! — пожал плечами Яковлев, направляясь в прихожую.

Внезапно Яковлев вернулся и, вытянув шею из проема дверей, спросил:

— Юра, а можно я приведу свою маму к тебе на экскурсию?

Баранкин ожидал от Яковлева любого вопроса, кроме этого. Поэтому, поразмыслив, сказал:

— Можно!.. Но не нужно!..

Яковлев заметно расстроился, тогда Баранкин поинтересовался:

— А что, тебе от этого будет легче?

— Может быть, будет полегче,— Яковлев с явной завистью обвел взглядом сказочный и даже можно сказать волшебный беспорядок Юриной комнаты.— Я на всякий случай буду сидеть во дворе на лавочке, если что, свистните...

— Ладно,— сжалился Баранкин,— когда объявлю в своей комнате «День открытых дверей», приходи со своей маманчей!

Яковлев ушел, потом снова вернулся.

— А что такое молоко, обогащенное теоремой Пифагора? — не удержался он от вопроса.

— Много будешь есть, скоро состаришься,— ответил Баранкин.

После того, как входная дверь захлопнулась за Яковлевым, Баранкин подошел к окну. Вход в подъезд был оцеплен ребятами. Алик Новиков успел притащить фотоаппарат на треноге и нацелил его на парадное.

— Ну, Фокина! — покачал головой Баранкин.— Какую окружность очертила вокруг нас с тобой!.. Тихонова до этого никогда бы не додумалась!

— Тут, пожалуй, не сбежишь,— проворчал Малинин.

— Не сбежишь? — усомнился Баранкин.— А День бегуна на что? Где его маршрут проходит?.. Кажется, где-то около нас?

— Кажется, мимо твоего дома,— ответил Костя, разворачивая вчерашнюю «Вечерку». Оба склонились над газетой.

— Точно,— обрадовался Баранкин,— вот наша улица... вот наш дом... вот шоссе, по которому скоро побегут участники... Через парадную дверь не выйдешь, а если через чердак и по пожарной лестнице...— Юра снова подошел к окошку.

Алик Новиков стоял по-прежнему возле фотоаппарата, нацеленного прямо на подъезд. На скамейке невдалеке сидел Миша Яковлев, уткнувшись носом в книгу.

— Все,— вздохнул Баранкин,— ничего не поделаешь! Придется срочно начать бег... ради бегства!..

СОБЫТИЕ САМОЕ ТРЕТЬЕ

Неожиданное открытие

С крыши, на которой сидели Баранкин и Малинин, было видно, как огромная растянувшаяся по шоссе толпа бегунов приближается к дому, в котором жил Баранкин.

— На что это похоже? — спросил Юра Костю, глядя на разноцветное скопище бегунов.

— Наверное, на тучу,— предположил Костя,— или на амебу...

Юра отрицательно покачал головой.

— Это похоже на галактику, а не на амебу... К спуску по пожарной лестнице приготовились! — скомандовал он.— Начали спуск! — Юра первым стал ловко снижаться по железным ступенькам. За ним боязливо начал спускаться и Малинин. Точно рассчитав время, они покинули крышу и прыгнули на траву у торцевой части дома, на фундаменте которого было написано мелом:

БАРАНКИН! ФАНТАЗЕР НЕСЧАСТНЫЙ!

(но на фундаменте было с ошибками: несчастный!), и смешались с бегущей, как ее называл Баранкин, галактикой, группой участников спортивного мероприятия.

— Ну, Баранкин! — стал на бегу восхищаться и радоваться Малинин.— Вот здорово ты придумал, и на дистанции нас вроде никто не засек!

— Конечно, никто! — заверил его Баранкин.

Окруженные живым забором бегущих людей разного возраста и пола, они чувствовали себя в такой безопасности, что даже позволили себе расслабиться и потеряли всякую бдительность.

На самом деле Баранкина и Малинина заметили Венька Смирнов и Вячеслав Морозов, которые как раз проезжали на велосипеде мимо баранкинского дома, направляясь на субботник в школу.

Вячеслав, сидевший на багажнике, сзади, присвистнул и сказал:

— Сбежали все-таки!..

А Смирнов так нажал на педали, что Морозов чуть не слетел с багажника.

— Надо сообщить Фокиной! — крикнул Венька Смирнов. — Одни, значит, должны вкалывать, а другие заниматься бегом ради жизни!..

Тем временем Баранкин и Малинин успели оглядеться по сторонам и, убедившись, что среди бегущих с ними рядом мальчишек и девочек нет знакомых физиономий и им не грозит разоблачение, успокоились окончательно. Баранкин обратил внимание на то, что все вокруг бегут по-разному. Одни молча и сосредоточенно. Другие про себя что-то тихо напевают. Две женщины, одна маленькая и толстенькая, другая длинная и худая, о чем-то переговариваются. Баранкин, который не только сам ничего не делал молча и за словом, как известно, в карман не лез, любил и послушать, о чем толкуют другие, поднажал, очутился почти рядом с этими гражданками и услышал, как одна другой сказала:

— У моего мужа есть целая папка вырезок и статей о пользе бега... ну, улучшается кровообращение, это во-первых, во-вторых, усиливается обмен веществ!.. Так!.. В третьих, оживляется умственная деятельность!..

— Малинин! — обрадовался Юра.— Ты слышишь, что занятия бегом могут сотворить с человеком?..

— Слышу,— ответил Малинин.

— Так могли ли мы с тобой, Малинин, начать заниматься исправлением двоек, не оживив свою умственную деятельность бегом?! Не могли!.. Это было бы безграмотно!

— Конечно, безграмотно,— согласился Малинин.

— Значит,— продолжал Юра,— мы с тобой не сбежали, а что?..

— Значит, мы с тобой, Баранкин, не сбежали,— подхватил Костя,— а решили перед занятием оживить свою умственную деятельность!..

— Точно,— подтвердил Баранкин, с удовольствием работая руками, ногами и головой, конечно.

— А когда кончится это оживление, неужели придется сесть за учебник? — печально, но с надеждой на что-то вздохнул Малинин.

— Плохо ты знаешь Баранкина,— ответил Юра.— Может, нам с тобой, чтобы окончательно оживить нашу умственную деятельность, надо пробежать не один такой маршрут, а двадцать или даже тридцать. Будем бежать дней пять или четыре...

— Так ведь через четыре дня кончится учебный год?! — тут же подсчитал Малинин.

— Ну, а мы с тобой разве виноваты, что он кончится? — Лицо Баранкина покраснелось, глаза

сверкали, светлые волосы подпрыгивали на голове в такт бегу.

— Это ты здорово придумал — бежать до конца учебного года,— отозвался Малинин.— Только где мы силы возьмем?

— Как это где?.. Я читал про одно индийское племя, так вот эти индусы могут бежать без передышки целую неделю... А мы что, хуже их, что ли?.. Четыре дня, да с отдыхом, продержимся!..

— Факт, продержимся!..— На радостях Костя прибавил ходу, поравнялся с двумя симпатичными девочками. Баранкину это не понравилось, но чтобы не потерять своего друга из виду, он тоже надал и легко догнал Костю. Теперь Малинин бежал рядом с девочками слева, а Баранкин справа.

— Представляешь,— объясняла девочка справа,— вот здесь выточка,— девочка провела рукой по плечу,— а здесь в обличку,— и правая девочка показала на талию.

Левая девочка подумала и сказала:

— В обличку мне не пойдет, у меня талии совсем нет!..

Малинин чуть отстал и посмотрел на левую девочку со спины. Талии у нее действительно не было.

— Меньше пирожных надо есть,— буркнул Костя, снова поравнявшись с двумя модницами.

А Баранкина этот разговор даже разозлил:

— Это бег ради жизни,— сказал Юра,— а не ради журнала мод!.. Здесь выточка!.. Здесь прита-

лено!..— передразнил он девчонок и тут же ско-мандовал, прибавляя ходу: — Жми, Малинин! Вперед, Малинин!..

Друзья поднажали в который раз и метров через двадцать очутились рядом, судя по непонятному разговору, с двумя научными работниками.

— Семен Пафнutyич,— сказал на бегу профессорского вида мужчина с бородой в форме веника,— а не организовать ли нам в институте кружок бега ради решения научных проблем?..

— А поможет? — усомнился на бегу второй мужчина, тоже профессорского вида, только с бородой в форме лопаты.

— Я прошлый раз на бегу решил одно уравнение, которое, казалось, не решу никогда! — Ученый стал сыпать такими непонятными цифрами и словами, как будто бы он был не обыкновенный человек, а инопланетянин.— А вот эту задачу,— продолжал дядя с бородой веником,— решить не могу даже на бегу! — и он снова стал сыпать непонятными словами и цифрами.— Но чувствую, еще два-три красса и я ее решу...

От всего этого у Малинина сразу же заболела голова и он хотел тотчас оторваться от ученых, но Баранкин успел схватить Малинина за рукав.

— Подожди,— сказал Юра,— кажется, я, вроде этого профессора, тоже готов сейчас решить задачу по математике!

— Не может быть?! — засомневался Малинин.

— Может! — подтвердил Баранкин и на глазах

изумленного Малинина приступил к делу.— Значит, какое там было условие?..— Слова задачи стали отскакивать от зубов Баранкина, как горох от стенки: ребята пололи на пришкольном участке клубнику. Один из них прополол в два раза больше, чем другой, а третий прополол восемь рядов. Сколько рядов прополол первый мальчик и сколько второй, если все трое пропололи двадцать шесть рядов? Оттаторив условие задачи, Баранкин спросил Малинина: — Ну, как будем решать?.. С «иксами» или с частями?..

Малинин подумал и сказал:

— Мне помнится, что Михал Михалыч что-то про «иксы» говорил.

— С «иксами», так с «иксами»,— согласился Баранкин,— мне сейчас чем труднее условие задачи, тем легче ее решить! И как я раньше не понимал этого?! Тут же все просто! Сколько прополол рядов первый мальчик — примем это за «икс»,— начал решать Баранкин.

— А второй в два раза больше — значит, два «икс»,— подхватил Малинин.

— Точно, соображаешь,— похвалил Баранкин.— Итого имеем «икс» плюс два «икс», получаем три «икс». Кумекаешь, к чему дело идет?

— К ответу дело идет,— догадался Малинин.

— Не к ответу, а к уравнению, понял? — спросил Баранкин.

— К какому? — никак не мог сообразить Малинин.

— К очень простому,— пояснил Баранкин,— «икс» плюс два «икс» плюс восемь равно двадцати шести, значит, в итоге получается, что три «икс» равно двадцать шесть минус восемь и...

— И три «икс» равно восемнадцати,— подхватил Малинин, и хором с Баранкиным закончил: — Значит, «икс» равен шести.

— А дальше все проще пареной репы,— Баранкин даже присвистнул.

— Математика — гимнастика ума, это еще Суворов сказал,— раздался за спиной чей-то знакомый голос.

Баранкин с Малининым оглянулись и увидели бегущего за ними по пятам Вадима Котова — лучшего физкультурника из их класса. То, что он их увидел и догнал — это было Баранкину неприятно, а то, что они при свидетеле решили задачу по математике — это его вполне устраивало.

— Да я сейчас любую задачу могу решить! — самоуверенно заявил Баранкин. — Что там у профессора не ладится с какой-то задачкой?! Я ему с ходу все дорешу!..— Говоря все это, Баранкин действительно чувствовал в уме какое-то невероятное просветление, какого он еще не испытывал. — Где профессор? Дайте мне этого профессора! — чуть не на всю улицу закричал он и обернулся на бегу.

Но оказалось, что бородатые дяди уже сошли с дистанции. Один из них отошел прихрамывая на обочину дороги. Другой, подойдя к нему, присел

на корточки и стал чертить палочкой на земле, объясняя что-то своему коллеге.

Баранкин поискал глазами Котова, но его не оказалось рядом — тот прибавил скорость и затерялся среди бегущих.

— Давай закрепим решение,— предложил Малинин.

— Давай,— пыхтя и как-то вяло согласился Баранкин, но вдруг в его глазах промелькнул не то чтобы испуг, а что-то вроде замешательства. Он не мог вспомнить не только решение задачи, но и саму задачу.— А ты помнишь условие? — растерянно спросил Баранкин Малинина.

— Я уже ничего не помню,— сознался Малинин.

— И я тоже ничего не помню,— удивился Баранкин.— Почему же тогда мы на бегу так легко решили задачу?

Малинин пожал плечами, а Баранкин за него ответил:

— Наверное, мы так быстро справились с задачей, потому что бежали в биополе двух ученых! Значит, чтобы в школе нам решить снова эту задачу, нужно хоть одного профессора рядом за парту посадить... Эх, не догадались взять у них адресок!..

— Может, нам попросить Михал Михалыча пробежать вместе с нами эту дистанцию, у него ведь тоже должно быть биополе. И мы в его присутствии ее снова решим? — предложил Малинин.

— Михал Михалыч с нами не побежит, у него недавно инфаркт был,— вздохнул Баранкин.

Не знаю, до чего бы договорились два друга, если бы в это время не показались двое мальчишек из их класса. Это снова были Венька Смирнов и Вячек Морозов. Они катили на велосипеде за кюветом асфальтовой дороги и торопливо сообщали информацию Баранкину и Малинину:

— Группа отличников по физкультуре нашего класса уже догнала последних участников кросса и приближается к вам!..

— И вообще, почему вы бежите в эту сторону? — удивился Вячек Морозов. — Финиш забега будет как раз возле нашей школы. Вас там Фокина быстренько выловит.

— А куда же мы бежим, действительно? — спросил Юра Костю.

— Не знаю,— пожал плечами Костя.

— Как это не знаю? — возмутился Юра. — Я же просил тебя изучить маршрут.

— Я его просмотрел,— оправдывался на бегу Малинин.

— Именно, что просмотрел,— передразнил его Юра.

Неостановимый поток физкультурников бежал по улице нового, строящегося микрорайона Москвы, где еще сохранились деревянные домики. Прячась, как казалось Баранкину и Малинину, от настигающих их школьных преследователей, они изо

всех последних сил лавировали среди бегущих. Дорога шла под уклон. Не только Баранкин и Малинин, но и все участники увеличили темп. И вот на резком повороте дороги, оставив между собой и преследователями немало пыхтящих бегунов, на полном ходу, они словно катапультировались из толпы и, не снижая скорости, а наоборот, убыстряя ее, влетели в открытую калитку какого-то дворика. Они вихрем проскочили мимо конуры, из которой торчала огромная голова оторопевшего пса, и... не в силах остановиться, Баранкин врезался в самую середину высокой поленницы дров, так что она вся осыпалась! Малинина же, зацепившегося левой ногой о лежавший на земле камень, понесло рыбкой влево с распростертыми вперед руками. При этом он успел сбить на лету два стула и стол, на котором, судя по тому, что летало в воздухе, стоял салат из помидор и огурцов, селедка, колбаса, нарезанный хлеб. Уже падая на землю, Малинин услышал звон разбитого стекла.

Наступила гнетущая тишина. Оба друга лежали неподвижно на земле, один из них смотрел в землю (Малинин), а другой в голубое московское весеннее небо (Баранкин). Лежали они молча. И неизвестно, сколько бы они молчали, если бы с крыльца домика не раздался громкий мужской голос:

— А, тимуровцы! Долго же я вас ждал!

СОБЫТИЕ САМОЕ ЧЕТВЕРТОЕ

*Чем дальше в лес, тем больше дров
в полном смысле этого слова*

В ушах Баранкина еще стоял звон разбитой посуды, грохот рассыпающейся поленницы, и все это перекрыл громкий лай собаки, которая рвалась с цепи, скалила зубы и ругалась на своем собачьем языке.

— Перестань, Черт! — сказал мужчина. — Неужели ты не видишь, что это свои!.. Тимуровцы!..

Баранкин посмотрел на мужчину. Мужчина был с лысиной, остатки волос зачесаны слева направо, толстый, с выпирающим животом, отчего брюки его на спине задирались вверх, а на животе сползали вниз. Рукава рубахи были закатаны до локтей, обнажая огромные загорелые ручки. Баранкин, лежа, перевел глаза на собаку и убедился, что она действительно похожа на черта. Черная, шерсть в завитках, а уши торчат, как рога. По команде хозяина собаке пришлось перестать лаять.

— А я-то все думаю, куда эти тимуровцы подевались? Хоть бы один, думаю, пришел и помог бы больному человеку... — Мужчина постучал себя в грудь кулаком.

— А вы, дядя, болеете? — спросил Баранкин, приподнимаясь с земли.

— Все время болею, — подтвердил мужчина, потом подмигнул Баранкину и добавил: — За

«Спартак»!..— и захохотал, хоть уши зажимай.— Так, так... Ты,— приказал он Баранкину,— поленицу собери, а ты,— кивнул он Малинину,— закуски подбери!.. Я врача жду, а вы мне всю мою визитную карточку испортили!.. Ну, как, деньгами будете возмещать убытки или работой?

Юра и Костя озабоченно переглянулись.

— А у нас денег нет,— замотал головой Баранкин.

— Сила есть — денег не надо,— сказал мужчина,— значит, будете отрабатывать... Кто что порушил, тот то и возродит...

Баранкин и Малинин вместе, как по команде, поднялись с земли и, поглядывая искоса на собаку, которая внимательно следила за их движениями, принялись за работу. Баранкин собирал раскатившиеся по двору поленья, а Малинин сметал в совок остатки разбитой посуды, разбросанную и валявшуюся на земле закуску. Баранкин оглядел парники и высокий забор за ними, собаку на цепи, рұчищи незнакомого дяденьки с закатанными по локоть рукавами и подумал: «Тут не сбежишь!» Ту же самую мысль можно было прочесть и на лице Малинина.

— Ровней клади! — приказал мужчина Баранкину, скрываясь в сарайчике.

Толстые поленья, еще не просушенные солнцем, были тяжелые-претяжелые. Одно сорвалось и ударило Юру по ноге.

— Хи-хи-хи-хи-хи! — раздалось вдруг откуда-то сверху.

Баранкин задрал голову и увидел на толстенном суку тополя, росшего на соседнем дворе, мальчишку, рыжего и в веснушках, как яйцо кукушки. Он хихикнул тонким девчачьим голосом, прикрывая рот ладошкой, зубов передних, наверное, не было. Смех был жгучий, как перец.

— Ты созрел? — проворчал после паузы Баранкин.

— В каком смысле? — переспросил рыжий, переставая хихикать.

— В прямом,— коротко пояснил Баранкин.

— Может, созрел...— неуверенно протянул рыжий.

— Тогда сам упадешь с дерева или тебе помочь? — грозно намекнул Баранкин.

Рыжий поразмыслил и решил спрятаться за ствол тополя. Баранкин и Малинин снова вовсю запыхтели над своими заданиями. Мужчина зачем-то выкатил из сарайчика детскую коляску, затем критически оглядел сделанную Юрой и Костей работу.

— Молодцы, тимуровцы! — похвалил он.

— Да не тимуровцы мы,— сердито заявил Баранкин.— Не тимуровцы!..

— Раз помогаете, значит, тимуровцы,— сделал вывод мужчина.

— Тимуровцы, это которые добровольно и сознательно,— сказал Малинин,— а мы-то помогаем

не добровольно, а от сознания, что нанесли вам материальный ущерб...

— Правильно рассуждаешь,— согласился с ним дяденька и, вручив Косте метлу, приказал: — Дорожку подмети!

Пот с Баранкина лил в три ручья, у Малинина работа была попрохладнее. Он махал метлой больше для того, чтобы поднять ветер.

— Мы и права-то не имеем быть тимуровцами,— продолжал разглагольствовать Костя,— мы двойки часто получаем,— пояснил он.

— Это плохо,— процедил сквозь зубы мужчина, закуривая,— хуже двоек ничего нет на свете... Я, например, всегда любил получать пятерки, семерки... а лучше всего — десятки!.. Ха-ха-ха!.. — закатился дяденька так громко, что Малинин чуть уши не заткнул.

— Таких отметок в школе нет,— сказал Костя.

— В школе нет, а на базаре есть!.. Соображаешь? — повертел он пальцем у виска, обращаясь к Баранкину и снова громко засмеялся.— Ну-ка, грамотеи, отдохните чуток и сосчитайте-ка мне, сколько пятерок можно заработать на этой коробочке?.. — Дяденька взял со стоявшей рядом со столом тумбочки, которую Малинину не удалось опрокинуть при падении, картонную упаковку с надписью «Плоды фенхеля» и прочитал: — «Применяется при заболеваниях верхних дыхательных путей как откашливающее средство». Где я беру это средство?

...ЮСТАС-АЛЕКСУ. Три
ТАНКОВЫЕ
ДИВИЗИИ
СПРЯТАНЫ
В КУСТАХ
У РЕЧКИ...

Баранкин и Малинин молча глядели на мужчину.

— В аптеке! А почему я его беру в аптеке? — продолжал мужчина. — Потому что он у меня в парниках не растет. А за сколько я его беру?

Баранкин и Малинин продолжали молчать.

— Сколько в аптеке стоит вся коробочка — я за столько продаю одну ложечку! — хвастался мужчина. — А почему другие-то не покупают в аптеке, когда кашляют, а покупают у меня? Потому что, как сказал Александр Сергеевич Пушкин, «мы ленивы и нелюбопытны»... Не ленив и любопытен только наш участковый, но мы уж как-нибудь обведем его вокруг пальца...

— А сколько же вы зарабатываете на этой коробочке? — спросил Малинин.

— А вы мне, дружки, сами решите эту задачку.

— Сейчас сообразим, — сказал Баранкин. — Только нужно узнать, сколько ложечек в коробке...

— И помножить на стоимость коробочки, — добавил Малинин.

— Правильно, — сказал дяденька, — считайте и умножайте.

Баранкин и Малинин занялись подсчетом. Они стали ложечкой пересыпать содержимое коробочки на бумажку и считать количество ложечек.

— Получилось, — сказал Баранкин, — двести

пятьдесят ложек. Значит, вы продаете всю коробочку в двести пятьдесят раз дороже?!

— Молодцы! Правильно подсчитали! А на базаре сами убедитесь в этом...

— Как на базаре?! — начал было удивляться Костя.

— А так, — сказал мужчина, — будете помогать мне сегодня весь день и здесь, и на базаре!

Баранкин и Малинин переглянулись. Они думали, что свое отработали, а тут этим даже и не пахло. Мужчина снова ни с того ни с сего засмеялся. Когда он наконец уgomонился, Баранкин сказал:

— Вам с вашим смехом в цирке можно выступать!..

— А что?! Я и в цирке могу: «Ха-ха-ха!»

В перерывах между раскатистым «ха-ха-ха!» откуда-то снова стало доноситься еще и тихое, но пронзительное «хи-хи-хи!» Баранкин взглянул на тополь, но там никого не было. Тогда он осмотрел забор. В щели светился ярко-зеленый, как огонек такси, глаз рыжего парнишки.

— Ты там смотри не обхихикайся, подслушник! — предупредил Баранкин спрятавшегося за забором рыжего мальчишку. Тот замолчал.

— Сначала сходите в магазин, — продолжал давать указания мужчина, — вон на той стороне улицы. Потом со мной на базар пойдете, поторгуете, а я вам за это дам комиссионные на мороженое. Сейчас я вам напишу, что купить... — и стал пи-

сать. Потом протянул список поручений Баранкину и дал ему же деньги.— Если вам вино отпущать не будут, так вы тихо шепните продавщице: «Для дяди Жоры!..» Все покупки сложите в эту детскую коляску — надежно, выгодно, удобно, и никто не видит, что везете.

Когда друзья выкатили детскую коляску за калитку, за их спиной раздалось снова этакое ехидное «хи-хи-хи-хи». Баранкин обернулся. Веснушчато-зеленоглазый паренек высунулся из-за полуоткрытой калитки и спросил:

— Вам не дать напрокат мою маленькую сестренку? Уж больно она любит кататься в коляске...— Сказав это, он снова прикрыл свой рот без передних зубов и начал свое: «хи-хи-хи!»

Баранкин вспомнил, что его отец читал как-то книгу под названием «Убить пересмешника», и найдя, что момент вполне подходящий, выпалил:

— Убить пересмешника!..

— Сейчас? — спросил Костя.

— Немного погодя,— разъяснил Юра.

Рыжий парень перестал смеяться и, хлопнув дверцей калитки, спрятался.

— Усатый нянь!..— донеслось из-за забора.

...Малинин мрачно толкал перед собой детскую коляску. Баранкин шел, глядя себе под ноги.

Бегство, которое еще недавно представлялось им полным радостных наслаждений, вдруг стало оборачиваться какой-то неприятной и непонятной стороной. До магазина дошли молча. Постояв не-

которое время возле гастронома, Баранкин вдруг решительно направился к магазину «Диета», что находился рядом с гастрономом.

— Может, сбежим? — предложил Малинин.

— Не имеем права,— сурово промолвил Баранкин,— у нас чужие деньги, раз!.. Мы человеку весь стол испортили, два!.. Читай, что он там написал.

Малинин развернул бумажку и стал сосредоточенно читать.

— Тут же список для гастронома, а мы с тобой зашли в «Диету»,— сказал ничего не понимающий Малинин.

— Соображай, Малинин! Соображай!.. Что взрослые говорят все время?.. Что курить папиросы вредно, что пить вино тоже вредно, что даже колбасу есть и то вредно!..

Малинин стал соображать, но так ничего путного и не сообразил. Это Баранкин понял по выражению его лица. Он стоял как у доски, ожидая, что кто-то придет на выручку. Баранкин сжалился над ним и стал подсказывать:

— Ну, что полезно? Что полезно? Что пить полезно?.. Ну?.. Мо... ну?.. ло... ну?.. ко...

— А,— обрадовался Малинин,— молоко полезно пить! И кефир!.. И ряженку!.. И...

— Догадался! Наконец-то!..

— Школа Баранкина! — продолжал радостно Костя.

— Только не выходи из бюджета.

— Да знаю,— отмахнулся Малинин и, достав из кармана куртки фломастер, стал подсчитывать. При этом он шевелил губами, морщил лоб, чесал затылок и наконец-то выдохнул:

— На деньги дяди Жоры мы можем купить: двенадцать бутылок кефира! Десять пакетов молока! Полкило творога, полкило сметаны, два десятка яиц диетических, две коробки смеси «Малыш», три хлеба «Здоровье».

— Ну, Малинин,— сказал улыбаясь Юра,— Михал Михалыч за такое решение задачи поставил бы тебе пять с плюсом. Иди плати.

Заплатив в кассу, Малинин встал в очередь с длинным, как галстук, чеком.

— Да пропустите мальчиков без очереди, они же с ребеночком,— запричитала какая-то сердобольная тетя.

— Ах, какие замечательные мальчики! — воскhitилась другая.— И ребенка нянчат и по хозяйству помогают!.. Идите без очереди, не стесняйтесь!

— Ничего,— сказал скромно Баранкин,— мы не торопимся.

Юра говорил правду, они и впрямь не торопились снова увидеть дядю Жору. Еще Юра подумал: «Только бы ребят из школы случайно не встретить с этой дурацкой коляской...»

Минут через тридцать — сорок Баранкин и Малинин вкатили коляску во двор уже знакомого им дома. Собака со страшным именем Черт мрачно

посмотрела на них и что-то прорычала на своем собачьем языке себе под нос.

— Молодцы, тимуровцы,— похвалил дядя Жора,— честно говоря, я уже подумывал, что вы сбежите!..

Баранкин и Малинин стали молча выгружать содержимое коляски на стол. Сначала хлеб «Здоровье», затем, звеня бутылками, бесконечный кефир... и все остальное... Первым свое «хи-хи-хи» завел за забором конопатый мальчишка. Чем больше выгружал Малинин диетического питания на стол, тем громче становилось его хихиканье. Вслед за конопатым мальчишкой захохотал и дядя Жора. Лицо его от смеха покраснело, жилы на шее надулись. Следом за дядей Жорой развеселился Малинин, а за ним и Баранкин. Костя, будучи натурой артистической, извлекал из себя то «хи-хи-хи!» рыжего мальчишки, то дяди-жорины оглушительные «ха-ха-ха!» Один Баранкин смеялся не выпендриваясь, а как обычно. Но в общем-то, каждому все это было по-своему смешно, поэтому хохотали все от души. Первым перестал смеяться дядя Жора. Оборвав смех, он грозно произнес:

— Что вы попали во вредный цех — намек понял,— сказал он, сделав ударение в слове «понял» на последний слог.— Но эту молочную требуху придется отработать по двойному тарифу!.. Ну-ка, пилу в зубы и на лесопилку шагом марш!..— командовал он по-военному.

— Баранкин,— тихо спросил Малинин, покорно направляясь к ко́злам, на которых лежала толстая чурка, а из чурки торчала пила с зубами, как у акулы.— Это что же получается?! Получается, что чем дальше в лес... действительно больше дров... в полном смысле этого слова?

— А ты что, надеялся, этот дядя Жора нас за этот кефир по головке погладит? — буркнул Баранкин Косте.

Вдруг лицо мужчины из смеющегося круглого сделалось каким-то продолговатым и сам он прямо на глазах словно похудел. Не успели друзья, по словам дяденьки, «взять пилу в зубы» и приступить к пилоразработкам, как за калиткой раздался чей-то строгий и сердитый голос:

— Ты что же это, Пчелков, долго еще будешь детский труд эксплуатировать?

Дядя Жора, Баранкин и Малинин как по команде повернули свои головы. За забором стоял милиционер, и хотя дядя Жора был совсем взрослый мужчина и даже уже старый, по понятиям Баранкина и Малинина, все равно мужчина в милицмейской форме смотрел на него даже похуже, чем Михал Михалыч на Баранкина и Малинина, когда они стояли у доски с невыполненным домашним заданием.

— Так ведь, товарищ участковый, это же не просто дети, это же тимуровцы!.. Сами пожаловали в гости! Я им говорю: ребята, говорю, не надо!.. Я, говорю, сам! А они: «У нас,— говорят,— дядя, об-

шественное,— говорят,— поручение!..» Силком пилу отняли! Товарищ участковый! Просто вырвали из рук!..

— Это с чего же тебе должны тимуровцы помогать? — грозно улыбаясь, засомневался милиционер.— Это почему же за тебя должны работать другие?! Ты ведь и за себя работать не хочешь. Со старой работы ты когда ушел? Месяц тому назад. А на новую устроился?! Нет, не устроился!..— продолжал прорабатывать дядю Жору участковый милиционер.

— Так я же болею, товарищ участковый,— попробовал защититься дядя Жора.

— Знаю! За «Спартак» болеешь!..

— Баранкин, попроси милиционера, чтобы он приказал покормить нас,— зашипел аппетитно, как картошка на сковородке, Малинин. У него появилась надежда хоть немного восстановить так глупо истраченные на весьма подозрительного дядю Жору силы. Баранкин свирепо взглянул на Костю — в смысле, мол, как не стыдно попрошайничать. Тем временем участковый все продолжал с песочком чистить этого дядю Жору:

— ...И на базаре день-деньской околачиваешься! В аптеке покупаешь анис да фенхель коробками, а продаешь десертными ложечками!.. И бражничать продолжаешь... Учти, Пчелков!..

— Да что вы,— начал оправдываться дядя Жора и внезапно сделал шаг в сторону, так, чтобы участковому милиционеру был виден стол, на ко-

тором красовалось множество бутылок с кефиром, пакеты с молоком и прочая диетическая снедь.— Обижаете, товарищ начальник, обижаете!..

— Баранкин,— снова зашипел скороговоркой Малинин,— скажи участковому, чтобы он приказал...— и, не договорив, осекся. Баранкин показал ему кулак.

Именно в это время, когда милиционер с искренним удивлением смотрел на стол, заваленный диетическими продуктами, а Малинин подумал: «Вот тебе и насолил дяде Жоре!..», именно в эту минуту Баранкин увидел на круто поднимающемся шоссе, по которому они бежали недавно с Малининым, группу велосипедистов. «Нас с Малининым ищут! — мелькнуло в голове у Юры.— А кто донес, что мы здесь? Венька Смирнов мог увидеть, как мы с Костей с разбегу врезались в дяди-жорину калитку!.. Он и донес!..»

Тем временем наступил черед засмеяться участковому милиционеру.

— В цирке, что ли, будешь с этим кефиром выступать? — залился участковый, веселясь от души, настолько, вероятно, это было несовместимо: кефир, молоко, сметана и дядя Жора.— Ну, насмешил!.. Всего я от тебя ожидал, Пчелков, только не этого!..— у милиционера на глазах даже слезы выступили.— А ну, домой, пострелята! —скомандовал милиционер.— Нашли кому помогать! Тимуровцы!..

Глядя на стремительно приближающихся вело-

сипедистов во главе с Мишей Яковлевым, Баранкин и Малинин вылетели из калитки, как ракеты «земля-земля», провожаемые хихиканьем все того же конопатого соседского парнишки. Пригибаясь, как солдаты под огнем, они выскочили за калитку и юркнули в одну из труб теплоцентрали, которые невдалеке сгрузили строители, на глазах веснушчатого соседского мальчика. Перед тем как спрятаться в чреве трубы, Баранкин успел погрозить кулаком рыжеволосому и сказать:

— Толчок в восемь баллов по шкале Рихтера за мной!..— и скрылся в темной прохладе трубы.

Оглянувшись в жерле трубы, Баранкин увидел, как участковый милиционер быстрым армейским шагом скрылся за поворотом улицы. Малинин хотел было рвануться к противоположному выходу из трубы, но Баранкин удержал его за руку. Голоса мальчишек из поисковой группы на велосипедах быстро приближались... Что случилось затем, можно было только догадаться по тем звукам, которые, влетая в жерло трубы, гулко отдавались в ушах Баранкина и Малинина.

— Куда ты рулишь?! Куда ты рулишь?! — завопил, судя по голосу, Игорь Кукин.

— Да на меня Яковлев наехал!..— заорал в ответ Жора Романов.

Потом Кукин закричал на Яковлева:

— Очкарик! Ты что идешь на таран?!

На что последовал ответ Яковлева:

— Да я очки потерял!!!

Затем послышался визг тормозов, глухой удар чего-то обо что-то, свирепый лай собаки, звон разбитой посуды, глухой стук развалившейся поленницы... Тишина и затем громкий голос дяди Жоры:

— А я-то уж думаю, куда это тимуровцы подевались, хоть бы один, думаю, пришел и помог бы больному человеку.

Наступила пауза.

— Ну, что,— продолжал дядя Жора.— Деньгами будете возмещать ущерб или отработаете?

Молчание продолжалось.

— Силы есть,— сказал дядя Жора,— денег не надо!.. Значит, будете отрабатывать!..

И на эти слова дяди Жоры никакого ответа не последовало.

— Одним словом, молчание — знак согласия.

И после этого раздалось знакомое Баранкину и Малинину «хи-хи-хи» конопатого мальчишки-соседа. Баранкин и Малинин выскочили из трубы, словно ими выстрелили из нее, и скрылись в следующей, лежащей в нескольких метрах от первой.

СОБЫТИЕ САМОЕ ПЯТОЕ

Киностудия «Нос-фильм»

Убедившись, что поисковая группа во главе с Мишей Яковлевым попала точно в такую же ситуацию, в какую совсем недавно влипли они сами, Баранкин и Малинин, перебегая из одной трубы

в другую, удалялись все дальше и дальше от дяди-жориного домика, пока примерно в десятой или одиннадцатой трубе они решили перевести дух... Прислонившись спинами к шершавым цементным стенам, Юра и Костя, не говоря ни слова, учащенно дышали. Когда отдышались, Баранкин неожиданно спросил:

— Где днем темно, как ночью?

Костя подумал малость и сказал:

— Под землей, конечно.

— Под землей,— передразнил его Баранкин,— скажи еще в муравейнике!.. В муравейнике, конечно, тоже темно, но как туда влезть?

— Еще в киношке,— продолжал размышлять Малинин,— там тоже не светло...

— Вот то, что нам нужно,— обрадовался Баранкин Костиной догадливости.— В кино можно провести полтора часа в полной безопасности...

— Значит, в кино? — спросил Малинин.

— Значит, в кино,— согласился Баранкин,— лучше всего прятаться под самым носом, где меньше всего ждут,— продолжал размышлять он.

— Точно,— согласился Малинин,— если не прятаться, вообще не найдут...

Эта мысль показалась Баранкину уж чересчур противоречивой, поэтому он не поддержал ее, тем более что на самой остановке тролля (так Малинин называл троллейбус) он заявил:

— Мимо школы будем ехать... Как бы не схватили...— Слова он, вообще-то, произнес нормаль-

ные, но прозвучали они как-то ненормально, словно бы с какой-то надеждой и даже мечтой, что их действительно схватят...

Баранкин посмотрел на дружка с подозрением, но сказать ничего не сказал.

— А какой фильм идет? — спросил он немного погодя.

— «Не болит голова у дятла», — ответил Малинин.

— А почему она у него не болит? — заинтересовался Баранкин.

— Потому что у него не голова, а отбойный молоток, — пояснил Малинин.

— Ты, Малинин, вот что, ты, пожалуйста, дятлов не задевай, — сказал неожиданно резко Баранкин.

— Почему это «не задевай»? — удивился Малинин.

— А потому что фашистам повезло, что я родился после войны...

— А если бы ты родился до войны, то что бы было?..

— Что, что?.. Я бы из всех дятлов разведчиков-радиостов сделал!.. И чтоб они долбили по дереву не просто так, а по азбуке Морзе!.. Представляешь?.. Дятлы сидят на деревьях над передовой и передают нам, где у фашистов пушки и сколько их!.. Где пулеметы!.. Сколько на передовой солдат и какие части подтягиваются!.. — Баранкин продолжал еще что-то бормотать, а Мали-

нин смотрел на него шевелящиеся губы своего друга и представил его на экране документального фильма вместе с маршалом Жуковым и даже слышал дикторский текст: «...теперь, когда война закончилась нашей победой, можно рассказать и о том «секретном оружии», которое у нас появилось и очень помогло нам на последнем этапе войны. Мы имеем в виду операцию под кодовым названием «Дятел». Мы имеем в виду пернатых птиц-разведчиков, которыми командовал младший лейтенант Юрий Баранкин!..» Затем Калинин ярко представил себе некоторые эпизоды из жизни дятлов-разведчиков и радистов и в восторге от всего, что ему представилось, крикнул:

— Качать Баранкина!

Но подбросить Юру в воздух один Калинин, конечно, не смог бы, тем более что троллейбус уже приблизился к школьному садовому участку, на котором должен был работать и их класс и параллельный. Поэтому, проезжая мимо этого исторического места, Баранкин не только не взлетел под крышу троллейбуса, но вынужден был даже присесть на полусогнутых ногах, так что со стороны улицы из окна были видны только Юрина макушка и его глаза, разглядывавшие школьный двор.

Странная картина представилась глазам двух друзей: кто загорал, кто играл в бадминтон, кто читал, несколько девчонок бегали с сачками в руках и ловили бабочек!

— Хороши, работнички! — ехидно прокомментировал Малинин.

— Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать! — согласился Баранкин.

До кинотеатра они добрались без особых приключений, никто из тех, кто знал Баранкина и Малинина в лицо, не вошел в троллейбус и не вышел из него...

Баранкин и Малинин собирались уже занять свои места в гуще любителей кино, когда в зрительном зале, в противоположном проходе, появились, озираясь по сторонам, Марина Веткина и Оля Захарова. Баранкин согнулся по-старушечьи.

— За мной! — сказал он Малинину, направляясь в полусогнутом положении к киноэкрану, еще закрытому от глаз зрителей декоративным занавесом. Прошмыгнув короткой лестницей, ведущей на просцениум, они сначала притаились за пианино в чехле, а затем спрятались за экраном. Вокруг было темно, только сверху падал тусклый свет, освещающий пустые холсты, натянутые на рамы (виднo, здесь работали художники), и еще Юра разглядел длинную раздвижную лестницу, стоявшую у края экрана. Баранкин тут же взгромоздился чуть ли не на самый верх и через щель заглянул в зрительный зал. В щелку между экраном и порталом сцены Баранкин рассмотрел, как шныряли по рядам Марина Веткина и Оля Захарова, при этом они о чем-то между собой спорили. Судя по лицам, одна доказывала другой, что видела их сво-

ими глазами, а другая спрашивала: «Если ты их видела, то где же они?!»

— Ну, конечно,— возмутился Баранкин,— нас с тобой они разыскивают, а Коренев и Тулин сидят у них под самым носом, и они этих дезертиров не замечают.

Коренев и Тулин действительно сидели как ни в чем не бывало в третьем ряду и даже ничуть не прятались от Марины Веткиной и Оли Захаровой.

Наконец, порыскав по всему залу, Марина и Ольга очутились перед самым первым рядом и повернулись спиной к экрану. Ольга подняла вверх руку. Шум в зрительном зале стих настолько, что Марина смогла громко и внятно произнести:

— Ребята! Здесь среди вас находятся, точнее сказать прячутся, два типа, которые сбежали от учебы и от труда и тем самым предали своих товарищей и интересы своей школы!!! Если им стыдно, пусть они поднимутся и выйдут из зрительного зала!..

После небольшой паузы с предпоследнего ряда поднялись двое и пошли к выходу.

— Так,— сказала Марина,— но это не те типы, это другие! Тех так просто не возьмешь!.. В то время, как мы там...

— Вы здесь, а не там... между прочим,— уточнил громко из-за занавеса Баранкин. Голос его покувыркался под потолком и с непонятного направления достиг ушей Оли и Марины. Голос в

одно и то же время показался знакомым и незнакомым.

— В то время, как мы там...— с пафосом повторила Марина и замерла. Загадочный голос снова зазвучал в зале.

— Какое уж «мы там»?.. Ты же здесь,— не унимался Баранкин.

Марина несколько растерялась:

— Мы там! — повторила она, но уже без всякого пафоса.

— Они там! — снова поправил ее Баранкин.— А мы здесь!..

— А как надо говорить? — спросила вконец растерявшаяся Марина.

— В то время, как они там!.. А мы здесь делаем вид, что ищем двух типов по фамилии Баранкин и Малинин!.. И еще в то время, как мы здесь...— Баранкин неожиданно замолчал.

— А что мы здесь? — обескураженная Марина совсем была сбита с толку.

— А вы здесь,— продолжал посылать свой голос сверху Баранкин.— Наверно ведь, останетесь кино смотреть? Только честно!..

В зале неожиданно раздался взрыв смеха. Марина и Оля переглянулись, но ничего не сказали.

— Вот сейчас еще немного поорете, а потом в темноте преспокойно усядетесь в кресла и будете смотреть картину «Не болит голова у дятла».

— А откуда ты, то есть вы, это знаете? — Марина уже готова была расплакаться.

Баранкин молчал, наслаждаясь произведенным впечатлением. В зале продолжали смеяться.

— А кто это с нами разговаривает? — поинтересовалась Марина у Ольги.

— Кто?.. Не узнаешь, что ли, голос Баранкина, — ответила Ольга.

— Так это он с нами разговаривал или только его голос?

— Откуда я знаю? Может, он сам, а может, только его голос, — сказала Ольга.

— А как же может голос без самого человека разговаривать?

— У Баранкина все может быть, — пролепетала Ольга.

В зале стало тихо.

— Баранкин, это ты? — робко спросила Марина.

— Я, — ответил голос Баранкина.

— А где ты?

— Нигде... и везде, — торжествовал Баранкин.

— Вот и попробуй такого поймать, если он и нигде и везде!

— Это вас надо ловить, а не нас, — вступил в разговор Малинин. — Вас двое, да вон еще сидят и ждут начала фильма Коренев и Тулин.

— Коренев и Тулин, вы действительно здесь? — спросила Марина.

— Нам стыдно, — промямлил Тулин, не поднимаясь с места, — но мы с Петей действительно тоже здесь.

Баранкин заметил, как, привлеченная дружным смехом, в зале появилась билетерша. Юра еще раньше успел заметить, что раздвижная лестница стояла рядом с пожарной, которая вела к открытому окну, а оттуда можно было выбраться на крышу.

— Малинин, ко мне! — скомандовал Баранкин.

— А как же это, как же это,— продолжала чуть не плача в зале Марина,— ну, мы с Олей слабенькие... нас поэтому Фокина послала на легкие задания, а вы-то ведь, вы-то ведь...

— Да не переживайте вы,— стал успокаивать их Баранкин,— там все равно никто не работает!..

В зале раздался свист и топанье.

— Сапожники!..

— Пора фильм начинать!..

Билетерша быстрым шагом направилась к сцене. Баранкин быстро перелез с раздвижной лестницы на пожарную. Малинин повторил его маневр.

— А зачем туда, а не в зал? — спросил он снизу Баранкина.

— На крыше объясню,— ответил Баранкин.

На нагретой солнцем железной крыше было блаженно тепло и спокойно. Баранкин лег на спину и зажмурился, как кошка, у которой чешут за ушами. Малинин улегся с ним рядом.

— А хорошо нам было с тобой жить, Малинин, до нашей Эры...— мечтательно протянул Юра.

— До какой это нашей Эры? — переспросил Костя.

— До Кузякиной,— пояснил Баранкин.

— А,— поняв, о чем идет речь, сказал Малинин,— и до нашей Зинки Фокиной еще лучше было. А почему мы в кино не остались? — спросил обиженно Малинин.

— Пусть думают, что в кино был и вправду мой голос, а не я сам,— ответил Баранкин, а потом еще добавил: — Понимаешь, Костя, если мы с тобой будем сидеть в кино и смотреть фильм, а они будут работать, это будет с нашей стороны несправедливо, а если мы будем лежать на крыше и сами сочинять кинофильм, то мы с тобой будем как бы работать в киностудии, которую я бы назвал «Нос-фильм»! Именно «нос»,— Баранкин приложил растопыренную пятерню большим пальцем к носу и добавил: — Им — нос, а нам — фильм!.. «Нос-фильм»! Первым начинай сочинять ты...

Баранкин опять потянулся, как кошка, и приготовился слушать.

— Жили-были,— начал Малинин,— или, вернее, были-жили!.. А точнее, жили-были!.. А может, все-таки были-жили?!

Баранкин слушал эту присказку минут пять, потом спросил:

— Слушай, Малинин, ты сначала выясни для себя: жили-были или были-жили, а потом уж показывай фильм.

Малинин подумал и пожал плечами.

— Честно говоря, я точно не знаю, жили-были или были-жили...

— Тогда заткнись,— сказал Баранкин,— и слушай и смотри, что я тебе расскажу и покажу, только поклянись, что ты никому это не перескажешь!..

Малинин поклялся. Тогда Баранкин достал из кармана спичечный коробок, из коробка достал несколько семечек от яблока, несколько зерен пшеницы или ржи и несколько еще каких-то семян.

— Мы с тобой, Малинин, родились не на той планете,— задумчиво проговорил Баранкин.

— Как это не на той? — заинтересовался Малинин.

— Понимаешь,— начал разъяснять Баранкин,— я уверен, что во Вселенной есть такая планета, где дети рождаются сразу с высшим образованием...

— Как это, как это, как это? — закудахтал Костя.

— А вот так `это, так это, так это,— передразнил его Баранкин и тут же объяснил, «как это, как это, как это». — Ты слышал, конечно, такое выражение, когда о каком-нибудь музыканте говорят, что он любовь к музыке впитал вместе с молоком матери? Слышал?..

— Ну, слышал,— сказал Малинин.

— А что такое знания? — спросил Баранкин и сам же ответил: — Это биохимический электриче-

ский сдвиг в мозгу школьника, а если молоко твоей матери уже заранее обогащено этим биохимическим электрическим сдвигом, то получается, что тебя кормят, в общем-то, не молоком, а знаниями!.. Вот в коляске, скажем, сидит младенец и потягивает из бутылочки обогащенное молоко. Подходим мы с тобой к этому младенцу, которого бабушка-инопланетянка катает в коляске. Подходим мы это и говорим ему: «Агу!» А он поднимается в коляске и спрашивает: «Вы дурачки, что ли, оба?! Я уже среднее образование заканчиваю всасывать, а вы мне „агу!“»

— Так ведь молоко-то может быть еще и сгущенным,— подчеркнул Малинин слово «сгущенным» интонацией. Малинин сам придумать подобного ничего не мог, но развить любую мысль Баранкина лучше Малинина никто бы так не удосужился. Баранкин подумал и согласился:

— Это идея!.. Сгущенное молоко тянет уже на окончание любого института!..

— Так, может, это и на Земле с молоком можно сделать? — спросил Малинин.

— Не можно, а нужно! — выпалил Баранкин.

— Так, может, ты, Баранкин...— сорвалось с языка у Малинина.

— А кто же, кроме меня!..— согласился Баранкин, даже не выслушав Костю. И, тяжело вздохнув, посетовал: — Не те скорости на Земле, не те, Малинин!

— Не те скорости на Земле, не те, Баран-

кин,— как эхо отозвался Малинин. Ему стало интересно жить. Когда Баранкин начинал говорить, Малинину всегда становилось интереснее жить, чем когда тот молчал.

— Или вот возьмем урожай...

— Или вот возьмем урожай,— поспешил подхватить Малинин, а подумав, спросил: — А зачем его брать, этот урожай?!

— А затем,— ответил Баранкин.— Люди посеют пшеницу и овес, посадят овощи и фрукты... а потом что?..

— Что потом? — спросил Костя себя и Баранкина, но что на это ответить, он не знал.

— А потом люди сидят и ждут,— пояснил Баранкин.— То ждут хорошей погоды, а то дождя... То все засохло, то все намокло...

— Точно,— как эхо вторил Малинин,— ждут... то все засохло, то все намокло...

— А чтобы не ждать, надо, чтобы пшеница и овес...— Юра снова достал из кармана спичечный коробок, из короба опрокинул на ладонь семена пшеницы, овса, яблочные семечки и сказал: — Ты помнишь, у меня на стене висит плакат: «Может ли дерево расти так быстро, как взрыв от снаряда?»

— Помню,— кивнул Малинин.

— В этом все и дело... Значит, должно быть так: я, Баранкин, бросаю в землю семечко от яблони, и у всех на глазах оно моментально вылезает из земли малюсеньким ростком, тут же

на глазах превращающимся в куст, куст становится яблоней, на яблоне появляются цветки, затем цветки осыпаются и начинают расти яблоки. Вот они поспевают на наших глазах, и вот я, Баранкин, срываю с яблони плод и угощаю своего друга Малинина... Крупным планом на экране твое улыбающееся лицо! Затем ты с аппетитом уплетаешь яблоко!.. И все это за каких-нибудь пять минут!..

— И здесь на экране появляется улыбающееся лицо,— сказал Малинин,— улыбающееся лицо Баранкина! И закадровый голос говорит: «Да здравствует сверхобогатенное и сверхсгущенное по системе Баранкина молоко! Ура ускоренным овощам и фруктам по системе Юрия Баранкина! — это Малинин уже крикнул изо всех сил.— Значит, бац и... яблоко! Бац и... груша!! Бац и... помидоры!.. Или виноград! Или персики!.. На экране сеют пшеницу, а следом идут комбайны и сразу убирают хлеб!.. И неужели ты, Баранкин, это все уже придумал? — спросил Малинин Юру.

— Не все уже, а только *еще*, и не совсем *все*, а только частично,— заскромничал Баранкин.

— А мясо? — вдруг всполошился Малинин.

— Что мясо? — удивился Баранкин.

— Ну, это — все овощи и фрукты, а я люблю мясо... Ты ускоренное мясо тоже придумал?

— А как же,— ответил Баранкин.— Крупным планом Малинин опускает в кастрюлю с кипящей

лапшой куриное яйцо... И через пять минут ест куриную лапшу с отварной курицей!

— Ура ускоренной лапше! — закричал Малинин во весь голос и вдруг осекся. — Наши! — почти прошептал он.

— Что наши? — не понял Баранкин.

— Смотри, вон возле кино наши появились!.. И Мишка Яковлев и Сережа Ческидов и Игорь Урасов!.. Бежать надо!..

— Бежать теперь глупо, — рассудил Баранкин, — теперь надо подождать, когда окончится сеанс, тогда, смешавшись с толпой зрителей, мы можем с тобой поспешить...

— А куда мы можем с тобой поспешить? — спросил Малинин.

— Как это куда? — удивился Баранкин. — Конечно же, в парк культуры и отдыха. Во-первых, мы с тобой здорово поработали, а во-вторых, там же народу, может, в тысячу раз больше, чем в любом кинотеатре. А сколько там аттракционов! — А аттракционы одни крутятся, другие вертятся, третьи кружатся... так что невозможно разобрать, знакомый это тебе человек или нет... На аттракционах нас никто не найдет и не узнает ни за что на свете!..

— Это, пожалуй, верно! — как-то вяло согласился Малинин с Баранкиным...

На этих словах Малинина сеанс как раз окончился. Глухо звякнули выходные двери. Баранкин и Малинин ловко спустились по водопроводной

трубе и смешались с толпой зрителей, валом валивших из дверей кинотеатра, не встретив никого из своих...

СОБЫТИЕ САМОЕ ШЕСТОЕ

Правила уличного выдвижения

Баранкин и Малинин шли быстрыми шагами по улице, когда у светофора возле самого перехода чуть не налетели на стоявших к ним спиной Зину Фокину, Эру Кузякину и Марину Шкаеву. Фокина и Кузякина, как всегда, были в спортивных курточках, на ногах у них были вязаные шерстяные «зебры» в тон курточкам. Это рукодельница Шкаева одела полкласса в «зебры». Баранкин приложил палец к губам, мол, осторожно, и стал на цыпочках удаляться от девчонок, что-то с жаром, но тихо обсуждавших.

Затем Юра и Костя перешли на быстрый шаг, и тут за спиной раздался голос то ли Фокиной, то ли Кузякиной: «Юра! Костя! Я не сержусь! Давайте дружить!!!» Не оборачиваясь, Баранкин и Малинин припустились со всех ног вдоль тротуара. Сначала они бежали вдоль ограды, отделявшей тротуар от проезжей части дороги, но оторваться от Зины Фокиной и Эры Кузякиной им не удавалось, сказывалась физическая усталость после бега на трассе и пилки дров у дяди Жоры, а тут еще Малинин споткнулся о решетку, ограждаю-

щую корни деревьев, и растянулся на асфальте тротуара.

Голоса Фокиной и Кузякиной приближались, пробиваясь сквозь пешеходов. Баранкин протянул Косте руку помощи и, помогая как можно быстрее подняться на ноги, сказал:

— Вдоль тротуара мы от них не сбежим! Давай поперек улицы!..

— А милиция?..— усомнился Костя.

— Малинин! Не бойсь! — приказал Юра.

Лавируя среди машин, под аккомпанемент милицейского свистка и предупредительных гудков автомобилей, Юра и Костя успели пересечь улицу и с разбегу очутились в объятиях дружинников. Вслед за Юрой и Костей на тротуар влетели Кузякина с Фокиной! Баранкин обернулся и увидел, что эти девчонки, от которых они с Костей бежали, были совсем не Зиной и не Эрой. А Шкаевой и вообще с ними не было. Юра и Костя приняли какую-то совершенно незнакомую девчонку за Фокину и поэтому побежали поперек улицы, когда их и схватили.

— Что это вы все одинаково одеваетесь и причесываетесь?! — налетел на них Баранкин.— Я вас принял совсем за других... За Кузякину и за Фокину...

— А вы, что ли, по-разному одеваетесь?! — огрызнулась одна из девочек.— Приняли нас за каких-то Музякиных-Пузякиных.

— Вы же стояли к нам спиной, а Марина из

нашего класса к нам лицом,— вмешался в объяснения Малинин.— А чего вы орали то Костя, то Юра? — спросил он у девчонок.

— Здравствуйте,— затараторила другая девочка, которая все время сдувала со лба челку.— Мы кричали: «Гостин Шура!»

— Надо же!.. Гостин!.. Шура!..— буркнул Баранкин.— А слышалось то Костя, то Юра!..

Пока Баранкин и Малинин вели перепалку с незнакомыми девочками, которых они приняли за знакомых, трое дружинников читали им всем нотации в три голоса, каждый говорил свое, и никто никого не слушал, прямо как в опере, когда на сцене все вместе поют.

— Пожалуйте в автобус, леди энд джентльмены! — пригласил их дружинник с кинокамерой в руках. Это он сказал, когда все другие уже выговорились.

Невдалеке действительно стоял автобус, в котором, даже издали было видно, сидели с виноватым видом юные нарушители.

На борту автобуса было выведено красивыми буквами: «Месячник безопасности уличного движения».

— В такую погоду и учиться правилам уличного движения?! — сказала одна из девчонок.

— Скоро вообще ничему не надо будет учиться,— успокоил ее Малинин.

— Это как же? — искренне заинтересовались девочки.

— А вот так же,— загадочно объяснил Малинин.— Потерпите немного и узнаете.

После такого интригующего вступления по дороге к автобусу Малинин для начала спросил дружинника (надо сказать, что в присутствии девочек Малинин, вообще-то, всегда становился разговорчивым, а Баранкин, наоборот, молчаливым):

— Итак,— спросил Малинин,— правда ли, что вам за каждое дежурство к отпуску по дню прибавляют?

— Прибавляют!

— Тогда зря вы задержали моего друга.

— Почему?

— Когда вы поближе узнаете, кого вы задержали, вы себе весь отпуск испортите,— пояснил Малинин.

— Это почему же мы себе весь отпуск испортим? — засмеялся недоверчиво дружинник.

— Потому что будете все время жалеть и укорять себя: «И зачем только мы задержали такого гениального человека!..» — и Малинин указал пальцем на идущего впереди Баранкина.— У вас дети есть?

— Есть,— сказал дружинник.

— Они учатся?

— Учатся!

— Скоро никто ничему учиться не будет. Все знания будут сначала впитываться с молоком матери, а потом из пакетов... Мой друг придумал,— и Малинин снова показал пальцем на Баранкина,

после чего он коротко, ясно и доступно изложил Юрино открытие.

Все слушали Костю внимательно, особенно девчонки. Малинин торжествовал, такое убедительное впечатление и даже эффект произвела на всех его лекция. Все вдруг испортил вопрос, который тоже совсем неожиданно задала одна из двух девчонок, между прочим, довольно глупенькая на вид.

— А если такое молоко скиснет? Тогда что? — спросила девчонка, то и дело сдувавшая со своего лба густую челку.

Малинин растерялся. Такой поворот дела даже Баранкин, наверное, не предусмотрел.

— Тогда... тогда... тогда... — начал лепетать поперхнувшийся Костя.

— Тогда человек, выпивший такое молоко, все равно станет профессором, — ответил за Малинина дружинник.

— Профессором чего? — не унималась девчонка с челкой.

— Профессором кислых щей!.. — дружинник, довольный своей остротой, захохотал.

Девчонкам эта острота тоже понравилась, и они тоже засмеялись.

— Ну-с, молодые люди, — обратились дружинники к сидящему в автобусе населению, когда автобус остановился возле какого-то незнакомого здания. — Пройдемте в школу уличного движения!..

Юру, Костю и всех остальных завели в поме-

щение, где томились еще человек пятнадцать. Молоденький милиционер в чине лейтенанта сидел за столом и рылся в каких-то бумагах и бумажках. Пока все рассаживались по стульям, Баранкин успел разглядеть, что все вопросы, которые, вероятно, будут задавать, собственно говоря, висели на стенах вместе с ответами. Шепнув об этом открытии Малинину, он стал готовиться к экзамену, разглядывая внимательно надписи на плакатах. То же самое стал делать и Малинин. Юра и Костя вертелись на своих стульях, как два голодных птенца в гнезде. Потом началось самое главное, ради чего всех привезли на бесплатном автобусе.

Сначала лейтенант ГАИ прочитал коротенькую лекцию об опасности нарушения правил уличного движения и показал слайды, иллюстрирующие, к чему могут привести нарушения этих правил. Самое сильное впечатление произвел на всех коротенький фильм, почти что без слов, если не считать дикторского текста, о мальчике, который мог бы стать звездой мирового футбола. Фильм назывался «Счастливый конец». Мальчишка был действительно потрясающий, забивал самые невероятные голы.

— Господи! — закричала вдруг одна из девочек. — Это же Шурка Гостин, за которого я приняла вас, — эти слова относились к Косте Малинину.

Голос известного спортивного комментатора

Перетурина нахваливал мальчика: «Он мог быть вторым Пеле! Если бы не... Если бы не...»

После этих слов были показаны ворота стадиона, из которых быстрым шагом шли со спортивными сумками мальчишки футболисты и среди них этот самый Шура Гостин, который мог стать вторым Пеле. Затем показали, как эти же парнишки пересекают улицу в неположенном месте и среди них Гостин Шура. Затем милицейский свисток, скрип тормозов отчаянный, преотвратный звон разбитого стекла, стон столкнувшегося металла с металлом... На экране стало темно и мрачно. Все догадались уже, что произошло и с кем... Девчонка, все время сдувавшая челку со лба, перестала это делать, она прижала руки к груди и тихо запричитала: «Да что же это такое?.. Да что же это такое?.. Я же недавно с ним в кино ходила?!» После этого на экране показался вдалеке небольшой пустырь с самодельными футбольными воротами. На пустыре мальчишки гоняли мяч. Среди них бегал и больше всех старался мальчишка без ноги на двух костылях... Когда съемочная камера приблизилась к нему, все увидели, что это был Шура Гостин, тот самый, что мог стать со временем, может быть, вторым Пеле!.. Тут девчонка, которая все время причитала, как закричит на весь зал:

— Остановите картину! Остановите картину! Это же Шурка Гостин и есть, когда же это ему ногу отрезали?! У него же еще вчера была но-

га!..— и она так громко и отчаянно заплакала, что киномеханик даже остановил свой проектор, и на экране застыл Гостин на двух костылях и на одной ноге, собираясь нанести по мячу удар страшной силы и бессилия!..

Милиционер, который от девчоночного плача потерял сразу весь свой начальственный вид и всю свою милиционерность, подбежал к девочке с челкой со стаканом воды и сказал:

— Да не плачь ты! Ты сначала картину до конца досмотри! Это же кино!..

Девочка затихла. Комментатор Перетурин весело сказал: «А знаете, почему картина называется «Счастливый конец»?.. Думаете, потому, что Шура Гостин живым остался, хотя и без ноги?! К счастью... это всего лишь кинотрюк!.. Ну-ка, Шура, покажи фокус!..» Шура улыбнулся зрителям с экрана. Он бросил костыли, приподнял широкую штанину брюк, и все увидели, что нога до колена искусно упрятана под брючиной. И снова в чаше прекрасного стадиона на прекрасном поле продолжал забивать голы прекрасный мальчуган, который и вправду издали был чем-то похож на Костю Малинина и который со временем, может быть, станет вторым Пеле в спорте!..

Все облегченно и радостно зааплодировали, а всех радостней и облегченней хлопала в ладоши девочка с челкой и ее подруга без челки, но с длинной косой.

— Подумаешь,— хмыкнул Малинин.— Ты, Баранкин, тоже мог такое придумать!..

— Вообще-то, мог,— согласился Баранкин,— но сейчас я думаю вот о чем... Помнишь, дружинник сострил насчет «профессора кислых щей»?

— Помню,— сказал Малинин,— да не обращай ты на это внимания!

— Как это не обращай? — спокойно и вразумительно ответил Баранкин.— Образованное и сдвинутое по научной фазе молоко действительно может скиснуть, и тогда что?.. Человек действительно получит прокисшие знания?! Тут я что-то недодумал! Тут надо что-то додумать! — самокритично заявил Баранкин.— Надо что-то додумать...

В это время в комнату зашел еще один лейтенант, только старший и такой загорелый, как будто только что прилетел из Сочи и прямо с самолета сюда, в ГАИ. Загорелый милиционер, не зная, к чему эти аплодисменты относятся или к кому, на всякий случай сказал, смеясь:

— Спасибо, не надо! Я человек скромный!..

Затем оба милиционера стали о чем-то шептаться между собой, пока загорелый офицер не устался на Баранкина и вдруг обратился к нему, как к старому знакомому:

— Федя! Грачев! Здравствуй, дорогой!..— сказал он Юре Баранкину.— Ты что, не узнаешь меня, что ли?..

— А-а,— закивал головой Баранкин, делая вид, что он узнал лейтенанта.— Здравствуйте!..

— А это твой друг, кажется, Женя? — кивнул он на Костю Малинина.— Заходите в гости к моему Алешке! Отцу привет передавай и маме от семьи Аликперовых. Скажи, что не заходил давно — в Африке в командировке был. Уличное движение помогал там налаживать!.. Хорошие ребята! Будущие гаишники, между прочим,— сообщил он сидящему за столом другу, словно по секрету.— Отец Феди известный автоконструктор-любитель и такую, брат, машину изобрел! Амфибию! И для Феди тоже маленькую «легковушку» соорудил, пальчики оближешь. Маленький, а гоняет как бог!.. Наша смена!..— восхитился еще раз старший лейтенант Аликперов, которого Юра и Костя видели первый раз в жизни.

— Ну, конечно, мы ваша смена,— согласился Малинин, чувствуя, что из этой неожиданной встречи можно будет извлечь кое-какие выгоды.

— Друзья! — торжественно продолжал старший лейтенант Аликперов, обращаясь ко всем присутствующим в комнате.— Если бы вы знали, как я там в Африке по всему нашему соскучился!.. Я даже по нашим маленьким нарушителям и то соскучился!..— Он погрозил при этом пальцем всем сидящим в зале.

После того как милиционер Аликперов назвал Юру и Костю будущими гаишниками и своей сме-

ной, Малинин заважничал и, чтобы подтвердить это, вдруг неожиданно сказал:

— А Федя даже специально стихи сочинил про нарушителей,— похвастался Малинин, указывая рукой на Баранкина,— то есть Юра, то есть Федя, Федя,— подмигнул он Баранкину.— Почитай стихи про уличное движение, которые ты написал для нашей стенгазеты!

— Какие стихи? — удивился Баранкин.

— Ну, которые Кузякина недавно сочинила,— тихо, почти одними губами произнес Костя.

— Еще чего!.. Сам читай, если хочешь!

Малинин принял торжественную позу и вдохновенно прочитал:

Не ходи на красный свет,
Красный свет — опасный!
Налетит тяжелый «МАЗ»,
Станет все ужасным!

В зале на всякий случай зааплодировали.

— Ну, что я тебе говорил,— обрадовался милиционер из Африки,— кто нас с тобой заменит?! Они!!! Так что этих можно и отпустить,— распорядился старший лейтенант, кивая головой в сторону Малинина и Баранкина.— А на прощание, Фуфачев, скажи мне,— обратился загорелый офицер к незагорелому,— могут в пустыне столкнуться два автомобиля?

Фуфачев сделал удивленное лицо и стал скре-

сти в затылке. Пока он все это делал, загорелый старший лейтенант с пафосом воскликнул:

— Могут! И еще как могут!.. Вот у меня и фотография есть! — В подтверждение своих слов он достал из внутреннего кармана кителя конверт, а из конверта извлек фото и показал его лейтенанту. Лейтенант рассмотрел фотографию и засмеялся:

— Надо же!..— а затем протянул ее Юре и Косте, как бы говоря: «Раз уж вас признал за своих старлей, вы и мне теперь не чужие!»

Юра и Костя стали с интересом разглядывать необычный фотоснимок. На необозримых песках пустыни под палящим солнцем стояли две столкнувшиеся «легковушки».

— Действительно... «чокнулись»...— сказал Малинин, возвращая карточку милиционеру.

— Отпусти ребят-то,— напомнил лейтенанту загорелый милиционер.

— Сейчас отпущу,— пообещал лейтенант,— только помогите эти билеты разобрать... с буквой «В» это для взрослых, а с буквой «Д» — для детей,— пояснил он Юре и Косте.

Баранкин и Малинин сели сбоку стола и стали копаться в бумажках.

— Ну, Федя,— сказал на прощание загорелый милиционер,— привет отцу! Заходите в гости! И ты, Женя Сорокин,— кивнул он Косте Малинину,— тоже заходи!..

Оба лейтенанта вышли, Баранкин тут же пересел на стул начальника и шепнул Косте:

— Видишь, как иногда хорошо быть на кого-то похожим!..

В это время за окном зашумел автобус, и спустя несколько минут в комнату с разговорами вошла новая группа нарушителей. Каково же было удивление Баранкина и Малинина, когда среди виновников уличных происшествий они увидели Зину Фокину, Эру Кузякину и Свету Умникову. В воздухе комнаты, как рыбки в аквариуме, заплывали целыми стайками слова: «Все участники дорожного движения обязаны действовать в соответствии с правилами и издаваемыми на их основе инструкциями и иными нормативными актами и т. д., и т. п.». Сообщая на ходу эти «и тому подобные» сведения о правилах уличного движения, они, несмотря на сопротивление дружинников, стали продвигаться к столу, за которым важно восседали Малинин и Баранкин. Подталкивая друг друга, Зина, Эра и Света подходили все ближе к Косте, как вдруг словно по команде остановились! Это случилось, когда Зина Фокина, и Эра Кузякина, и Света Умникова узнали одновременно в Баранкине Баранкина, а в Малинине Малинина. Девочки чуть не ахнули в голос.

— Мы их на всех улицах ищем, а они вот где?! — вскрикнули они одновременно. А на лицах их было, тоже одновременно, написано: «Баранкин

и Малинин! И где? В ГАИ! В комнате милиции! Да еще за столом! Да еще заняты каким-то делом!.. Ну, знаете!..»

Вскоре, придя в себя, каждая из девчонок стала осыпать Баранкина и Малинина таким потоком слов, каким пожарники из брандспойтов тушат пожар.

— Мало того, что они все нарушают правила уличного движения, так теперь они еще нарушают тишину и порядок! И где?.. В комнате государственной автоинспекции,— сказал Баранкин с укоризной и для пущей важности даже взял в руки лежавший на столе жезл, каким управляют уличным движением.

— И пока нет высшего начальства,— подхватил Малинин, переходя на заговорщический тон,— мы, как низшее начальство...

— Среднее,— поправил Костю Баранкин.

— Мы, как среднее начальство,— поправил сам себя Малинин,— можем вам по знакомству предложить легкие экзаменационные билеты.— С этими словами он быстро протянул девочкам пачку вопросов, на которые они должны были ответить, при этом он не заметил сам, что предложил билеты не из детской пачки, а из взрослой. Девочки могли согласиться с экзаменом, раз уж они нарушили правила, но чтобы их экзаменовали Баранкин и Малинин!.. Это уж слишком!.. Повозмущались-повозмущались, но по одному билету повытаскивали быстро и со сноровкой.

— А как вы сами-то попали в милицию? — успела поинтересоваться Кузякина.

— О чем ты спрашиваешь? — удивилась Фокина. — Им только здесь и место!.. Вот как они очутились за одним столом с начальником?!

— Фокина, — строго ответил Баранкин, — есть правила уличного движения, а есть правила уличного выдвижения! Нас заметили!.. И... выдвинули!..

— И нам давайте легкие билеты! — стали просить другие ребята. — И нам давайте!.. Безобразие, одним дают даже выбирать, а нам что останется?!

Малинин стал из бумажек с вопросами ловко делать голубей и пускать в зал, приговаривая: «Кому что достанется! На судьбу не пенять!»

Что здесь началось! Как в финале тиража спортивной лотереи. На шум в дверях появился лейтенант. Баранкин быстро сошмыгнул с его стула на свой и сел сбоку, рядом с Малининым. Увидев лейтенанта, Фокина, Кузякина и Умникова стали снова критиковать вслух Баранкина и Малинина.

— Минуточку, — оборвал их хор лейтенант и, обращаясь к Юре и Косте, спросил: — Это что, ваши знакомые?

— Какие знакомые? — искренне удивился Малинин.

— Мы их вообще здесь впервые видим! — поддержал его Баранкин и не соврал: он и Малинин действительно здесь, в ГАИ, Фокину, Кузякину и Умникову видели впервые.

— Как это впервые? Как это впервые? — закудахтала Кузякина.

— Так это впервые, так это впервые! — передразнил ее Малинин. — А если не впервые, то скажите, как нас зовут?

— Тебя Костя, а его Юра! — сказала Кузякина.

— Ну, вот видите, — обратился Малинин к лейтенанту. — Я у них Костя!.. А он у них Юра!.. А вы ведь сами слышали, как назвал нас старший лейтенант: я — Женя, а он — Федя! Я — Сорокин, он — Грачев.

— Они даже не знают ваших имен, — удивился милиционер, — откуда же они вас знают, если они вас вообще не видели?

— Нет, — пояснил Баранкин, — мы их у вас здесь впервые видим, а в школе-то мы их видим часто...

— Так вы в одной школе учитесь?.. Тогда в чем же дело?

— Дело в том, что эти два типа сбежали с последних уроков и с последних трудовых занятий... — поспешила сообщить Фокина.

— Мы сбежали потому, что сегодня День бегуна, — объяснил Юра. — А вот почему они сами сбежали с работы? — перешел в нападение Баранкин.

— Нам шефы лопаты еще не завезли... Мы сидели и ждали машину, — стала оправдываться Фокина.

— А остальные? — спросил Баранкин.

— А остальные гоняются за вами по всему городу!

— А вообще-то, почему вы именно в дни месячника по безопасности движения носитесь как оголтелые по таким оживленным улицам? — уже сердито спросил лейтенант.

— Товарищ милиционер! Вы посудите сами, должен же наш коллектив проявить характер, если эти двое заявляют, что если они захотят, то их ни за что никто и нигде не поймают! — начала горячо просвещать лейтенанта Кузякина. — Надо же было доказать, что если мы захотим, то уж обязательно поймаем!..

— Мы всем классом так и постановили, — поддержала Фокина Эру, — «догнать и перегнать нарушителей дисциплины Баранкина и Малинина!»

— Догнать и перегнать? — удивился милиционер. — Это что-то новенькое в погоне! Если мы будем перегонять нарушителей, то ведь они снова будут от нас убегать?..

— Это неважно, — отмахнулась Кузякина.

— Неважно? — еще больше удивился милиционер.

— Совершенно неважно! Важно, что ему морально будет тяжело, когда он будет видеть, что его перегнали!..

— Парадокс! — засмеялся милиционер. — Но в нем что-то есть!

— Мозговой центр работает! — похвасталась

Кузякина и хлопнула себя ладошкой по лбу так, словно на нем сидел комар.

— Мозговой центр?! — возмутился Малинин. — Мозговая периферия!.. Вот где центр! — и он указал на голову Баранкина.

— Лейтенант Фуфачев, — обратился совершенно официально Малинин к милиционеру, — если уж говорить откровенно, то мы сбежали от них для их же пользы!.. Мы, можно сказать, пожертвовали своей репутацией, чтоб они не сидели под деревьями, а хотя бы занялись бегом.

— Бег же полезен, тем более трусцой! — поддержал тем же официальным тоном Баранкин своего друга.

— Трусцой, но не трусостью! — отбила Кузякина выпад Баранкина.

— А главное, товарищ милиционер, что нас задержали абсолютно несправедливо, мы с Зиной бежим на зеленый свет, а нам говорят, что мы якобы на красный бежали!..

— Так-так, — милиционер с ехидством прищурил один глаз, — значит, вы бежите на зеленый, а вам кричат, что на красный!.. Ай-яй-яй! Какие несправедливые люди!.. А ну-ка, Остапчук, проверь этих девочек на дальтонизм, — крикнул лейтенант сидевшему в углу за пишущей машинкой сержанту милиции.

— Слушаюсь проверить на дальтонизм! — рявкнул Остапчук.

— Вообще-то, мы с Зиной очень любим улич-

ное движение, а главное, его безопасность,— продолжала как бы подхалимничать и как бы оправдываться Кузякина.— Я даже стихи сочинила в нашу стенную газету про любимое уличное движение...

— Что за день,— удивился лейтенант.— Одни поэты нам в сети попались...

Эра стала в балетную позицию и с выражением прочитала:

Не ходи на красный свет,
Красный свет — опасный!
Налетит тяжелый «МАЗ»,
Станет все ужасным!

Выслушав те же самые стихи, что совсем недавно прочитал лейтенанту Костя Малинин или, точнее, Женя Сорокин, так назвал Костю милиционер из Африки, лейтенант посмотрел с подозрением почему-то на Баранкина. Ему казалось, что заводилой всему в этой компании является именно он, затем лейтенант перевел свой подозрительный взгляд на Малинина.

— Плагиат,— спокойно пожал плечами Малинин,— это стихи моего друга Феди,— он мотнул головой в сторону Баранкина.

— Костя, как тебе не стыдно врать! Эти стихи написала я,— закричала Кузякина.

Это же гневно подтвердили и Зина Фокина, и Света Умникова.

— Может, какой-то там Костя, за которого

они меня принимают, и списал эти стихи у какой-то там Эры, но лично я, Женя Сорокин,— Костя ударил себя в грудь кулаком,— никогда и ничего и ни у кого не списывал!

— Вы знаете, товарищ лейтенант, я, как главный редактор стенной газеты класса,— стала разъяснять Кузякина,— решила завести в ней отдел «светофор» под моей редакцией. Я раньше занималась с первоклашками правилами уличного движения!.. У нас ведь школа с автомобильным уклоном!

— Ах, вы еще и с первоклашками занимаетесь и собираетесь открыть «светофор» в газете, а сами!..— возмутился лейтенант.

— Лично я занимаюсь всем этим как староста класса! — заявила Фокина.

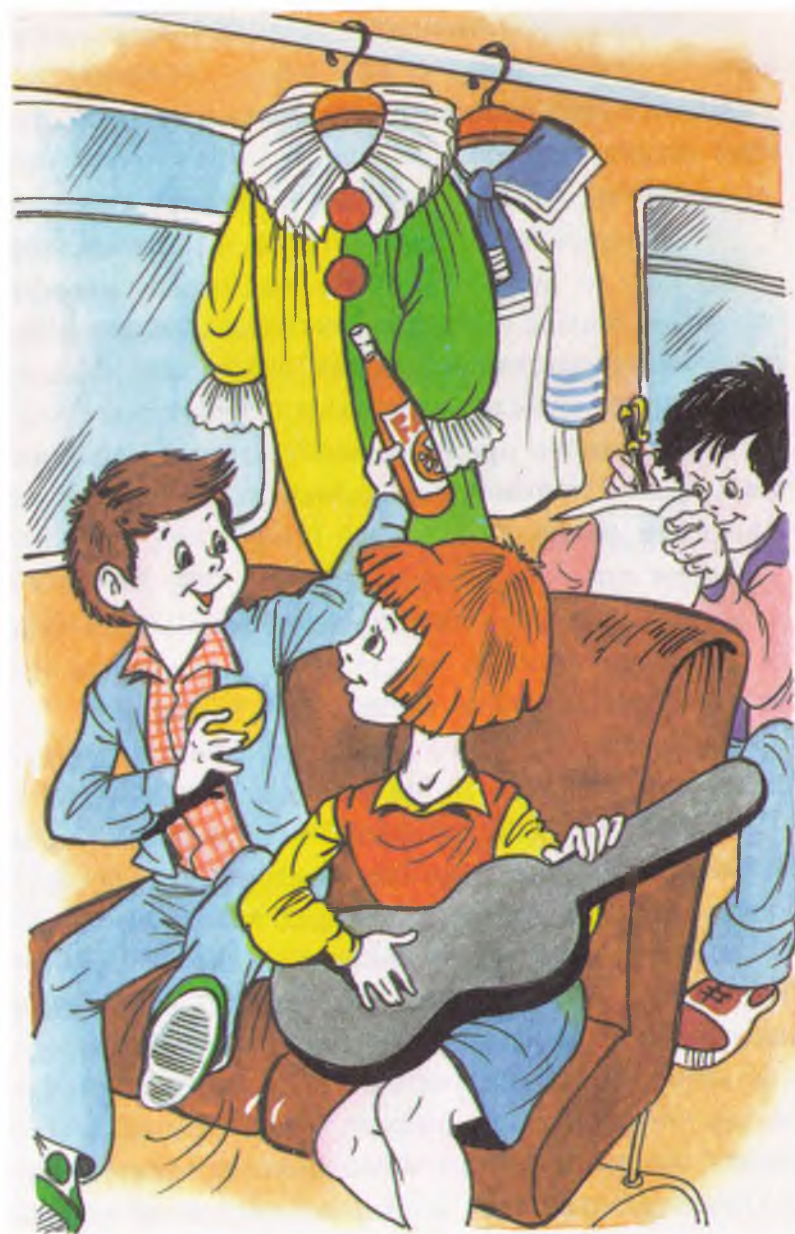
— А я как главный редактор стенгазеты! — сообщила Кузякина.

— Ах, вы еще и начальство! — еще больше возмутился милиционер.— Вы должны быть нам первыми помощниками, а являетесь первыми нарушителями?! Да еще в школе с автомобильным уклоном!

— Грачев! — обратился лейтенант к Баранкину.— Выдай им по три вопроса!.. А потом на практику во двор!!! Всем остальным тоже раздайте билеты!

— А мы с Сорокиным уже им все выдали,— ответил по-военному четко Баранкин-Грачев.

— И остальным тоже раздали!..

— Молодцы! — похвалил его и Костю лейтенант.

Вдруг среди нарушителей раздался шум. И шум стал нарастать.

— В чем дело? — спросил лейтенант.

— Товарищ лейтенант, это же несправедливо! Я же еще не шофер, почему мне такие вопросы задают, — заныла Кузякина в голос. — Вы только послушайте, на что я должна отвечать!.. «Можно ли выезжать с базы на разных прожекторах?»

— На каких прожекторах?! Наверно, на прожекторах? — поправил ее лейтенант.

— Все равно я не знаю!

Затем кто-то крикнул:

— А я не знаю, какой должна быть длина троса при буксировке в горах! И еще: с какими неисправностями можно продолжать движение?

— Нам же всем вопросы для взрослых раздали! — объяснил кто-то из нарушителей с места.

— Как это для взрослых? — продолжал удивляться милиционер, но нарушители успели вручить ему с десяток билетов и действительно с вопросами для взрослых. — Федя и Женя, — гаркнул, багровея, лейтенант. — Ну-ка, давайте, освободите помещение! Вы не только меня, но и себя порядком запутали! То вы, понимаете, сочиняли стихи, то, понимаете, не сочиняли! То вы Грачев и Сорокин! То вы Баранкин и Малинин, понимаете ли! То вы этих девочек знаете, то вы их не знаете, понимаете ли?! А еще два будущих гаишника, —

сказал лейтенант Фуфачев, обращаясь к Баранкину и Малинину.— Вы как тут появились, я уже ничего не могу сам лично регулировать! Если вы и дальше в жизни будете так все путать, из вас гаишников никогда не получится!.. Вы свободны!.. Идите в гости к Аликперову! И вообще, все свободны! — милиционер снял фуражку.

Все задвигали шумно стульями.

— Только, ради бога, соблюдайте все правила твoroжного движения, то есть... какого твoroжного, я хотел сказать дворожного, то есть дорожного бензoпасного... Господи, что я говорю?! Нет, они меня все с ума сведут! — сказал Фуфачев, вытирая вспотевший лоб.

Юные нарушители обрадованно повалили к выходу.

— Минуточку,— закричал лейтенант так громко, что все остановились,— а вы куда?! — это он сказал Фокиной, Кузякиной и Умниковой.— Остапчук! Задержи этих трех девочек! Да, да! Вас, вас! Пройдите в сад, там вас научат правилам безопасного перехода улицы. И заодно на дальтонизм проверят!.. Остапчук, проследить и доложить о выполнении.

Остапчук откозырял, подошел к девочкам, крутанул свой черный ус, еще раз козырнул и сделал рукой жест, мол, вам, девочки, в эту сторону. Девочки нехотя повиновались ему, продолжая глядеть на снова удалявшихся и снова ускользавших от них Баранкина и Малинина.

— Нам бы только вот за этими типами успеть! — сказала Остапчуку безнадежным голосом Фокина, кивая головой на Баранкина и Малинина. — Нам чтоб только бы этих типов не упустить!..

— Хотя в школу позвонить разрешите? — спросила Эра со слезами на глазах. — А то без нас там все разбегутся...

— Позвонить — это можно, — сказал Остапчук и лихо козырнул. Ох и нравилось ему козырять, этому Остапчуку.

Прошло некоторое время, после чего исчезнувшие к своей неопишуемой радости из-под самого носа Фокиной и Кузякиной Баранкин и Малинин уже смотрели на Зину и Эру сквозь решетчатую ограду ГАИ. Во дворе под руководством, судя по всему третьеклассников, шла большая ученическая игра в переход воображаемых перекрестков возле самых настоящих светофоров.

— Ну, Баранкин, знаешь, Баранкин! Все, Баранкин! Теперь мы будем вынуждены для вашей поимки пойти на все и применить одну адскую машину!.. — сказала разгневанно Фокина, переходя игрушечный перекресток на красный свет.

Маленький милиционер в форме, сшитой как на взрослого, засвистел в свисток.

— Какую? Какую? — переспросил Баранкин, взбираясь на цокоть забора.

— Адскую машину бросим на вашу поимку,— повторила Кузякина вслед за Зиной.

— А у нас против вашей адской машины есть райская машина спасения.

Девчонки, осыпая Костю и Юру всевозможными гневными словами, бросились к решеткам забора, но на их пути вырос прекрасно козыряющий Остапчук.

— Ямы надо копать под деревья, а не под своих одноклассников,— крикнул Малинин.

— Как вам не стыдно! — крикнула Зина Фокина из-за решетки ограды.— Сбежали!..

— Мы не сбежали! И нам не стыдно! — крикнул в ответ Баранкин.— Сегодня День бегуна! Вот! — он достал из кармана куртки сложенную гармошкой «Вечерку». — Вот!.. Все на старт! — громко произнес Баранкин.— Там как раз нас с Костей не хватало!

— Мы бы и сейчас продолжали бы бежать!.. — поддержал Юру Костя.

— Продолжали бы,— согласилась за забором Кузякина,— если бы вас милиция не остановила!..

— Умникова! Светка! — крикнул на прощание Малинин.— Меняй свою фамилию на Фор! Света Фор!..

— Не свою фамилию, а своё фамилие! — ответила Умникова.

— Бегать по улицам надо грамотно! — посоветовал Баранкин.— А вы только грамотно выражаетесь!

— А не стыдно выдавать себя за каких-то Грачевых и Сорокиных?

— Трусы несчастные!

— Да не выдавали мы себя! Честное-пречестное слово! — клялся Баранкин, и справедливо клялся. — Это нас сама жизнь переименовала.

— Баранкин! Будь человеком! — крикнула Фокина. — Сдайся добровольно!!!

— Фокина! У меня нет слов, одни буквы! — сказал Баранкин, спрыгивая с цоколя забора.

Затем он и Костя почти что бегом направились к парку культуры и отдыха, не замечая, что по другой стороне улицы Венька Смирнов катил за ними вдогонку, а в здание ГАИ торопливо вбежала Марина Шкаева.

СОБЫТИЕ САМОЕ СЕДЬМОЕ

*Внуки племянников сыновей
братьев Стругацких*

Баранкин быстро шагал по улице, и хотя казалось, что Калинин медленно плелся за ним, вместе с тем он ухитрялся не отставать от друга. Разве мог Баранкин не заметить, что за ними следят? Конечно, не мог!

— Между прочим, слева по курсу на той стороне улицы велошпионы, — сказал он тихо Калинин.

К этому времени Юра и Костя подошли к сто-

явшему у обочины автобусу, так что он загородил их от Веньки Смирнова и других прочих соглядатаев. Баранкин успел разглядеть, что на борту старенького автобуса было красивыми буквами выведено: «Споемте, друзья!»

— Ты заметил, Малинин,— спросил остановившегося Костю Баранкин,— что нам все время с тобой подают автобус за автобусом?

Малинин даже вздрогнул от этих слов, настолько он был погружен в свои усталые и голодные размышления. При слове автобус ему померещилось, что они с Баранкиным опять что-то нарушили и их опять под конвоем дружинников повезут в ГАИ, где еще раз им будут читать всевозможные нотации и проверять их знания о переходе улиц в положенных для того местах. Поэтому, увидев автобус, Малинин стал пятиться от него, успев сообщить Баранкину скороговоркой, что еще одного ГАИ он не переживет и «вообще, сколько можно скрываться от своего класса, если уже нет сил и очень хочется есть?!»

— Скрываться нужно не сколько можно, а сколько нужно,— сердито выговорил Баранкин Малинину.— А бегство наше может закончиться только тогда,— продолжал выговаривать своему другу Юра,— когда они сдадутся всем классом и попросят: «Баранкин, пощади!», и поднимут кверху руки со словами: «Мы сдаемся!» Вот тогда мы придем в школьный сад и прямо на земле, где

нужно будет выкопать ямы под деревья, мы сначала решим задачи и потом эту землю вскопаем.

У дверей автобуса стояли две девочки с красными повязками на руках и с какими-то бумажками в руках.

— А вы из какой школы? — спросила одна из них Баранкина, уже поднявшего ногу, чтобы вступить на подножку.

— А вы из какой школы? — спросил ее Баранкин.

— Мы из двести третьей, — ответила девчонка, щуря кокетливо глаза.

— Если вы из двести третьей, — сказал Баранкин, — то мы с ним (жест в сторону Малинина) из триста второй.

— А вы кто такие? — поинтересовалась девчонка у Малинина.

— А мы братья-близнецы, — ответил Малинин, принимая ее кокетство на свой счет. — Мы самые непохожие братья-близнецы на свете!

— А-а-а, — протянула девочка и смешливо фыркнула.

— А что будут делать непохожие близнецы на вечере нашей самодеятельности? — спросила вторая девочка.

— Ах, этот автобус, значит, для самодеятельности? — настороженно спросил Баранкин. Он-то знал, что там, где слово «самодеятельность», там и работа до седьмого пота, а может, даже до восьмого или даже до десятого.

— А с чем вы будете выступать? — продолжала их выпытывать дежурная.

— Он поэт,— сказал Малинин, представляя Юру,— а я — чтец, личный исполнитель всех его произведений.

— Как поэт и чтец? — удивилась девочка.— У нас же здесь хоровой коллектив, и вообще, кто вы такие и как ваши фамилии?..

— Мы внуки племянников сыновей братьев Стругацких, а вы кто такие? — выпалил Малинин, не моргнув даже глазом.

Девочка долго не могла разобраться, что это все значит и как все это надо понимать.

— И не запомнишь, и не выразишь,— пожалала плечами одна из девочек, которая назвалась Ниной, а другая сказала:

— Ну, если вы внуки племянников сыновей братьев Стругацких, то мы внучки племянников сыновей братьев Гримм... А теперь сказки в сторону! Говорите свои настоящие фамилии и что будете читать?

Баранкин представился Баранкиным, а Малинин — Малининым.

— А что будем читать? — повернулся Костя к Юре.

Так как Баранкин за всю свою и без того короткую жизнь не только не написал ни одного стихотворения, но и не прочитал (кроме, конечно, тех, что задавали на дом по школьной программе),

то он ответил витиевато и непонятно: «Из ненаписанного!»

— Как это из ненаписанного? — удивилась та девочка, что была Ниной.

— Ну что тут непонятного? — пришел на помощь Юре Баранкину Костя. — У вас есть чистая тетрадь?

— Есть, — ответила Нина, доставая в доказательство из сумки, что висела через плечо, действительно школьную тетрадь.

Малинин взял тетрадь в руки, раскрыл ее и, указывая на чистый разворот, сказал:

— Вот это стихотворение мы и будем читать с Юрой...

— Но тут же ничего нет, — еще больше удивилась Нина.

— Не успеет ваш автобус доехать до места назначения, как все это, — Малинин потряс в воздухе чистой тетрадкой, — все будет исписано стихами!.. И какими стихами!..

Девочки недоверчиво и даже подозрительно посмотрели на Юру и Костю. Нина сказала:

— Похоже, что вы и впрямь внуки племянников сыновей братьев-фантастов Стругацких!..

А «не Нина» добавила:

— Сочиняйте, только поскорей, нам ведь ваши вирши еще художественному руководителю нашей передачи нужно показать!

Малинин совершенно был не уверен в своих заявлениях, но он был уверен в том, что нет та-

кого затруднительного положения, из которого не вывернулся бы его лучший друг Юра Баранкин, чего на этот раз нельзя было сказать, судя по выражению Юриного лица...

— Проходите в автобус на самые почетные места! — пригласила их, так, видимо, и не поняв степень родства со знаменитыми писателями-фантастами, Нина.

— Малинин, за кого ты нас выдал, что нас так принимают? — спросил Баранкин уже в автобусе, плюхнувшись на сиденье.— Значит, я — поэт, а ты — чтец? Хитрый какой! Я должен сначала написать стихи, а ты потом прочтешь! Но ведь читать легче, чем писать. По написанному-то просто... Ты же знаешь, что я ненавижу стихи,— продолжал ворчать Баранкин,— не только писать, но и читать!..

— Ну как, братья Стругацкие,— спросила девочка, подходя к ним и восхищенно разворачивая бумажку со списком участников.— А для чего же вы здесь, если не поете? А не в автобусе для речевиков?

— Мы здесь специально для повышения художественного уровня вашей самостоятельности и именно вашего автобуса!

В автобусе было шумно. Сзади, у последнего сиденья, где на плечиках висело множество всевозможных живописных костюмов и нарядов, бы-

ли свободные места, и дружки пересели с таким расчетом, чтобы при случае можно было за эти костюмы и спрятаться, что они и сделали, когда в автобус, продираясь с силой через не пропускавших его мальчишек и девчонок, влез Венька Смирнов, разыскивая глазами Баранкина и Малинина. Не заметив их, он добровольно подчинился выдворению его из салона автобуса. В это время колдовавшая в первых рядах автобуса над корзиной другая девочка стала разносить на подносе булочки и стаканчики с «фантой».

— Баранкин,— вздохнул Малинин,— если ты сейчас скажешь, что я не должен есть булочку и пить воду, то я моментально упаду в обморок.— При этом он так многозначительно посмотрел на булочки, которые лежали на подносе у девчонки, и на кувшин с «фантой», что Баранкин тут же понял, что если он скажет не угощаться, то Малинин действительно упадет в обморок.

— Из-за тебя,— сказал с укоризной Баранкин Косте,— придется отрабатывать этот легкий завтрак!.. Угроза воздушного нападения пиратов двадцатого века миновала. Отбой! — скомандовал Баранкин.— Я пишу стихи!.. И кто только тебя за язык дернул сказать, что я поэт?!

— Баранкин, а ты вообще-то умеешь писать стихи? — спросил Малинин.

— Не знаю,— ответил Юра.— Не пробовал. Нет... вообще-то, я, конечно, все могу... Но, может, не до такой степени,— продолжал Баранкин,

грызя, как Пушкин, но не конец гусяного пера, а колпачок шариковой ручки.

Пока Малинин, пересев на соседнее кресло, уплетая булочку и запивая ее «фантой», говорил какой-то незнакомой школьнице всевозможные глупости и выслушивал от нее еще большие и просто даже невозможные глупости, пока Зина Фокина с Эрой Кузякиной и Светой Умниковой в сопровождении Марины успели выскочить из здания ГАИ и поспешили к телефону-автомату, выслушивая от Марины, в общем-то фантастические, невероятности насчет того, что в кино «голос Баранкина» был, а самого его не было, пока Венька Смирнов заглядывал в водопроводный колодец, что находился впереди автобуса и в котором, по расчетам Веньки, могли схорониться Баранкин и Малинин, но обнаружил там водопроводчиков, ремонтировавших что-то под землей и шумевших своей паяльной лампой, как картошкой, жарившейся на сковороде, Баранкин уже закончил, к своему удивлению, небольшую поэму в стихах примерно на двух с половиной страницах. Подсев к Баранкину и прочитав стихи, Малинин просто обалдел и замер, как дети в цирке, с разинутым от удивления ртом, и если бы ему не нужно было высказывать Баранкину свое обалдение и восхищение, то он бы так и просидел неизвестно сколько времени.

— Переписывай! — сказал Баранкин. — С цифрой один читаешь ты, с цифрой два — я! С буквой «В» читаем вместе!..

Малинин стал с интересом переписывать стихи в свой блокнот.

— Ну, Баранкин,— сказал Малинин,— если ты написал стихи, то ты все можешь!..

Баранкин подумал и сказал:

— Ну, Малинин, я не потому все могу, что написал стихи, а потому что я все могу, поэтому я и написал стихи.

Костя не знал, что Баранкин имеет в виду, говоря все это, но что Баранкин что-то имеет в виду, это он понял. Как раз к этому времени автобус подъехал к московской школе поблизости от Москвы-реки и Киевского вокзала. Началась суматоха высадки и переселения автобусного населения из автобуса в помещение школы, возле которой уже стояла машина — ретранслятор с лакированной семицветной радугой на бежевом корпусе. Черные кабели, уже раскатанные и еще не раскатанные, как змеи, лежали и грелись на асфальте. Суматоха переселения в школу еще более усилилась. Все бежали — кто вдоль по коридорам, кто поперек. Сталкивались. Расходились и снова налетали друг на друга. Баранкин и Малинин даже и представить не могли, как из всего этого может получиться организованная и благоустроенная телепередача.

— Может, сбежим? — предложил Малинин Баранкину, но тот в ответ только сердито сдвинул брови.

Разыскав Баранкина и Малинина и отняв на ходу у Кости Малинина Юрино стихотворение,

девочки — «внучки братьев Grimm» — исчезли и вскоре так же бегом вернулись обратно.

— Художественный руководитель сказала, что это стихотворение поднимет нашу телепрограмму на космическую высоту! — сказала Нина, а «не Нина» попросила: «Можно я его спишу?»

— Я это сделаю лично для вас своею собственной рукою, — пообещал Малинин предельно любезным голосом.

Тем временем большая суматоха, разделившись на маленькие суматошки, достигла своего накала и неразберихи. Поудивлявшись всему этому, Малинин спросил Баранкина уже в который раз: «Может, сбежим с концерта?..» Только теперь — еле слышно. В горле у Кости пересохло от волнения с тех пор, как они вошли в здание школы, и он уже не мог говорить во весь голос.

— Сбежим?! — передразнивал его то и дело Баранкин. — Если бы ты не съел незаслуженно не принадлежавшую тебе булочку и не выпил стакан «фанты», мы бы могли не сбежать отсюда, а спокойно уйти!

Малинин, уязвленный справедливым обвинением своего друга, тяжело вздыхая, пытался сглотнуть уже несуществующую слюну.

Передача началась с того, что стоявшие в актовом зале перед занавесом школьники из Москвы и подмосковного совхоза долго жали друг другу

руки, обменивались школьными вымпелами и обещали приезжать друг к другу в гости и помогать друг другу.

Малинин, стоявший в задних рядах рядом с Баранкиным, понял, что школьники из Москвы будут приезжать к подмосковным школьникам и помогать им работать на поле, но он никак не мог понять, что будут помогать делать в Москве ребята из Подмосковья?

— Как же ты не понимаешь, Малинин? — удивился Баранкин Костиному вопросу. — В подмосковном совхозе они помогут нам с тобой решить задачу, решение которой мы с тобой не понимаем, а у нас в Москве они помогут нам выкопать ямы под деревья!..

— Законно! — поддержал слова Баранкина Малинин.

Затем начался концерт, который вели Федя Редькин (высоченный худющий мальчик) и Редя Федькин (мальчик маленький и толстенький). Интермедия, которую они разыгрывали, Косте и Юре понравилась, потому что она была из школьной жизни. Речь в ней шла о том, как одного мальчика выбрали старостой класса. Они говорили, какой он умница, что его все уважают, что им гордятся. Мальчику это все нравилось, и постепенно в разговоре с ребятами он начинает зазнаваться, просит называть его на «вы», не слушает ничьих советов, всем только приказыва-

ет, перечеркивает всю программу художественной самодеятельности и составляет свою, никуда не годную. Ребятам это не понравилось, и через десять минут они переизбрали старосту. Он пробыл в этой должности десять минут и девять секунд — рекордное время.

— Наша Фокина, как только ее выбрали старостой, тоже начала зазнаваться, вроде этого,— сказал Малинин.

— Только, к сожалению, она чересчур медленно зазнается, а то мы могли бы ее тоже вот так свергнуть!..— добавил Баранкин.

— И Кузякину тоже хорошо бы было свергнуть с трона,— поддакнул Малинин.

После этой интермедии хор школьников спел несколько песен, а после хора на сцену вышли Баранкин и Малинин.

— Эти стихи,— сказал Баранкин,— мы с Костей Малининым посвящаем Шуре Гостину. Есть такой мальчик, про него даже фильм снят. Он очень здорово играет в футбол, ну, прямо как Пеле, может, он и будет вторым Пеле. Но этот фильм можно увидеть в одном из отделений ГАИ. А чтобы его увидеть, надо нарушить правила дорожного движения.— В зале засмеялись.— Да, да,— продолжал Баранкин.— Мы вот с Костей нарушили правила перехода, и нам показали этот фильм... А вообще-то, мы желаем

Шуре Гостину больших успехов и чтобы он стал вторым Пеле, а еще лучше, чтобы первым.

И Юра начал:

Ходят Шурины ботинки
Не дорожкой, не тропинкой,
Оставляют там свой след,
Где плакат: «Прохода нет!»
То влезают на забор,
То пересекают двор,
То гремят по ржавой крыше,
Забрались бы и повыше,
Но повыше нету крыши.

Костя подхватывает:

То на дерево по веткам
За собою тащат цепко!
То бегом! Вприпрыжку! Вскачь!
По песку гоняют мяч!
По траве скользят, как лыжи,
Хлопают по лужам рыжим
Реактивные ботинки
С фантастической картинки.

Юра:

Переносят за забор
Шуру словно метеор!
Тащат в лес, где сосны-свечки,
То к прогалине лесной,
То на стройку, то на речку!
Тянут Шуру за собой!

Малинин:

Через речку, где нет брода,
За собою тянут в воду!
А вернут домою Шуру
Усталым и измаянным,
В синяках, с температурой,
Под конвоем маминым!..

Юра:

У него синяк под глазом,
Он синее синей вазы,
У Шуры кашель, он охрип...

Хором:

Но зато счастливый вид!

Малинин продолжает:

Мама делает компрессы!
Папа мчится за врачом!
А в углу стоят ботинки
Будто вовсе ни при чем!..
Шура свой отводит взгляд.
Шура крутится в кровати:

Юра подхватывает:

«Я ни в чем не виноват!» —
Произносит он некстати.
Папа грозно хмурит взгляд:
«Кто же все же виноват?»
Шею жмет компресс из ваты.

Малинин:

Кто же все же виноват?

Хором:

Да... ботинки виноваты!

Малинин:

Шуре дали процедуры.
Что? Зачем? И сколько раз?..
Но не такой характер Шуры,
Чтоб окончить здесь рассказ...

Баранкин:

Пролетят над Шурой годы,
Звездолеты-корабли,
Улетит однажды к звездам
От своей родной Земли!
Спросит Шуру журналист:
«В миллионах километров
От своей родной Земли,
Как вы в бездне очутились,
Здесь, в космической дали?»
Улыбнется скромно Шура,
Тронет Шура шевелюру
Загорелою рукой,
Переспросит журналиста:
«Почему я очутился здесь,
В космической дали?

Хором:

Да ботинки занесли!..»

Раздались шумные рукоплескания, аплодировали даже за кулисами. А Костя Малинин обнял Юру Баранкина и чмокнул в щеку.

— Телячьи нежности,— сказал Баранкин.— Учти, что в следующий раз мы поменяемся ролями: я буду чтецом, а ты будешь поэтом.

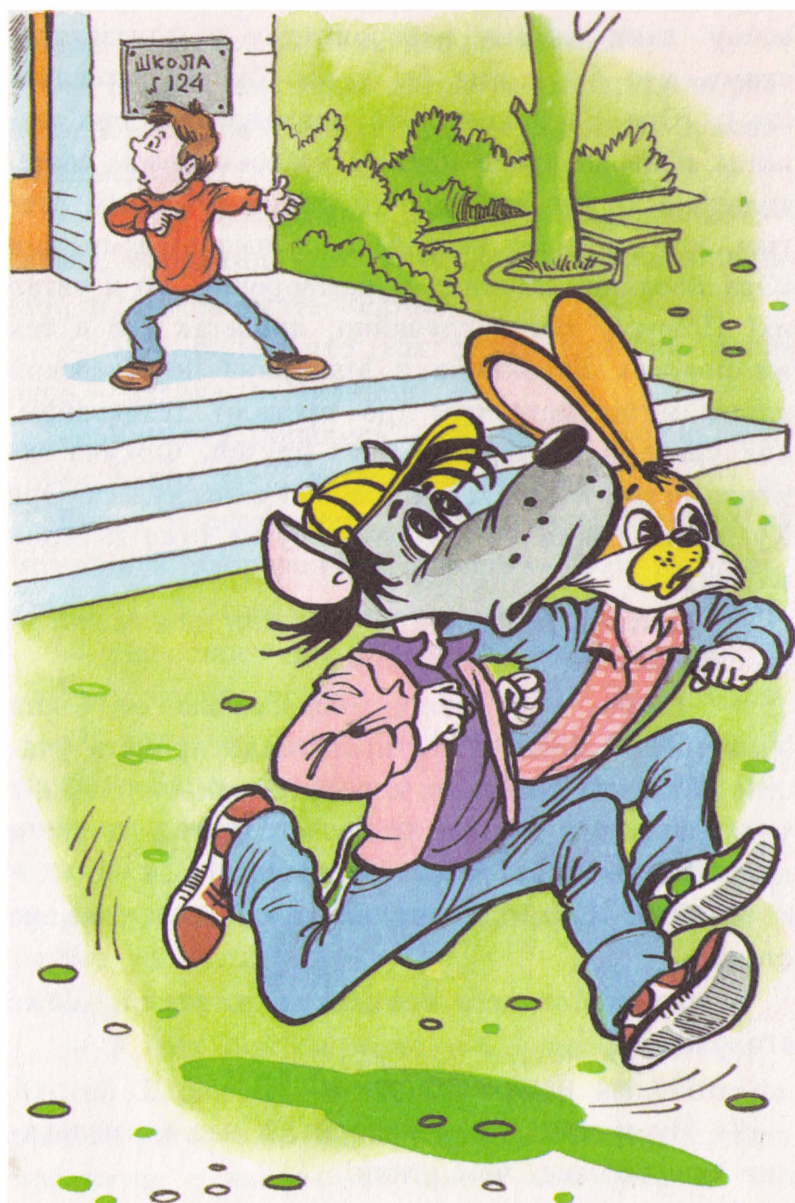
За кулисами к Юре Баранкину подошла молодая женщина в очках и долго трясла его руку, поздравляя с успехом.

— У тебя все стихотворения такие замечательные?!

Так как у Баранкина это было единственное в жизни стихотворение (в чем он ужасно ошибался! Не пройдет и нескольких месяцев, как ему придется сочинять в рифму волшебные заклинания!), то Малинин имел полное право сказать, что у него все стихотворения такие замечательные! Затем к Баранкину и Малинину подбежали «внучки братьев Гримм» и тоже трясли им руки, плюс к тому же еще просили дать им переписать стихи на память! Раскрасневшиеся от волнений Баранкин и Малинин подошли к раскрытому окну, чтобы подышать свежим воздухом. От множества прожекторов в актовом зале было душно-предушно.

— А ботинки, наверное, не Шурины, а Юрины,— сказала девочка «не Нина», хитро прищутив глаза.

— Шурины! Шурины! — успокоил ее Баранкин.

Зина Фокина и Эра Кузякина могли поверить всему, даже самому невероятному и фантастическому, кто бы, когда бы и что бы ни рассказал им о Юре Баранкине! Не поверили бы они никогда и ни за что и никому на всем белом свете, только если бы этот кто-то поклялся самым святым, что он видел не только своими глазами, как Юра Баранкин сочинял стихотворения, но и читал их! Поэтому когда случайно, пробегая все в тех же поисках Баранкина и Малинина по Тверской улице мимо магазина, где продают телевизоры, они увидели на экранах двух друзей, Фокина замерла перед телевизором, словно споткнулась. Эра Кузякина, Света Умникова и другие тоже замерли на бегу.

— Предатели! Ренегаты! Это они нам назло! — завозмущалась Эра Кузякина.

— Точно, что назло,— поддержала ее Света Умникова.— Когда я их пригласила принять участие в нашем классном концерте, так они: «Ты с ума сошла, мы устали! У нас сил нет!..» А тут и не устали и силы откуда-то взялись!..

— Этот Баранкин на все способен, даже на стихи!..

— Точно, от него все можно ожидать!.. Даже стихов!..

— Он же ненавидит стихи!

— Ну и что, что ненавидит, а нас он ненавидит еще больше, чем стихи!..

Пока концерт продолжался, за кулисами шел

разговор о том, что после концерта все школьники поедут в совхоз помочь им по хозяйству.

— Вы все, как было договорено, спросили разрешения у своих пап и мам? — спросила руководительница.

— Мы у своих пап и мам не отпрашивались, — сказал Баранкин, — поэтому нам с тобой, Малинин, в совхоз ехать нельзя.

— Тем более что мы опять с тобой попались, — вздохнул Малинин.

— Как это попались? — удивился Баранкин.

— А вот так... взгляни в окошко!..

Внизу у школьного подъезда сидел верхом на мотоцикле здоровенный парень — брат их одноклассника Котова.

— Наверное, тот самый изобретатель адской машины наших поисков, — напомнил Костя Юре.

«А чего он сам-то подключился к поиску, — спросил Баранкин самого себя, — потому что машина не сработала?» Баранкин еще раз выглянул в окошко. Возле школьных автобусов внизу вертелись уже Венька Смирнов, Мишка Яковлев и другие велошпионы.

— Все пути отрезаны, — сказал Малинин.

— А вот совсем и не все, — не согласился с Костей Баранкин, — а Москва-река зря, что ли, рядом протекает?.. Водная артерия все-таки... Речной катер к нашим услугам, а остановка на том берегу возле Лужников! У этого Смирнова вело-

сипед-то не водный как-никак. Придется отсюда уплыть,— сказал Баранкин загадочным голосом.

— Почему? — спросил Малинин.

— Потому что уйти от них не удалось, убежать не удалось, значит, придется уплыть.

— Куда уплыть? На чем уплыть? — засыпал Юру вопросами Малинин.

— На «Доме Сойере» уплыть. Есть у меня такой плавучий дом, который называется «Дом Сойера».

Баранкин и Малинин не знали, что у старшего брата Котова за плечами была пристроена в рюкзаке карта Москвы с хитроумным устройством, по которому можно было следить за всеми перемещениями Баранкина и Малинина. (Баранкин и не предполагал, что в карман его курточки Венька Смирнов давно уже опустил датчик, который и сообщал о его местонахождении!) План бегства родился в голове Баранкина молниеносно. За кулисами шла подготовка к следующему танцевальному номеру под названием знаменитого мультфильма «Ну, погоди!» Десяток Зайцев и Волков в масках разминались перед выходом на сцену. Подойдя к костюмерше, Баранкин спросил:

— У вас есть запасные маски?.. Мы с другом тоже хотели бы разучить этот танец!..

Костюмерша, польщенная вниманием такого талантливого поэта, каким показался ей Баранкин, с удовольствием вручила ему маски Зайца и Волка...

— Ну, Заяц,— крикнул Баранкин, выскакивая в маске Волка на школьное крыльцо.— Ну, погоди!..

Малинин в маске Зайца прыгнул в сторону остановки речного катера. Баранкин за ним. Они уже бежали к кассам речного трамвая, когда на школьном крыльце появился Смирнов.

— Прошляпили Волка! То есть Баранкина! — крикнул он ребятам.— Ну, Баранкин! Ну, погоди!..

Пока преследователи успели добежать до дебаркадера, катер уже отплыл от пристани... Хриплый мужской голос спросил себя под музыку в репродукторе: «Как провожают пароходы?..» и сам ответил на свой вопрос: «Совсем не так, как поезда!.. Морские медленные воды не то, что рельсы в два ряда!..»

— Как провожают пароходы? — крикнул Баранкин оставшимся на берегу прошляпившим его уже в который раз преследователям.— Не знаете? — продолжал издеваться над ними Юра.— А теперь будете знать, что совсем не так, как поезда!!!

СОБЫТИЕ САМОЕ ВОСЬМОЕ

Гибель «Плавучего Дома Сойера»

Баранкин и Малинин бежали к мосту окружной железной дороги, что находилась возле стадиона «Лужники». Баранкин размышлял на бегу: «Зна-

чит, так... уйти нам от преследований Фокиной не удалось! Убежать тоже! Уехать не вышло!.. Придется уплыть!.. Это единственный выход!.. Уплывем!.. Лет до ста расти нам без старосты, особенно без такой, как Зинка Фокина!» Баранкин повеселел.

— В самом крайнем случае,— сказал он,— если не удастся уплыть, от них можно будет улететь!..

Что можно уплыть, это было Косте понятно, но улететь — этого он сразу уразуметь не мог. Как это улететь? На чем это улететь? На просьбу разъяснить ему, что это такое значит, Баранкин отрезал:

— Будешь много знать, скоро состаришься...

— Сил нет,— проговорил Малинин, запыхавшись.

— Ладно, подзаряжайся еще раз! — сказал Баранкин, останавливаясь.— Смотри мне в глаза, а ладони положи на мои.

Костя так и сделал. Юрина энергия водопадом переливалась в него. Сил стало больше, и есть не так уж и хотелось... Хотя сам Баранкин почувствовал усталость и еще больше ему захотелось есть!..

Перебежав железнодорожный мост, они подошли к излуине Москвы-реки и посмотрели сверху вниз на маленькую песчаную отмель. Плот с высокой кормой был разорен! Плот, который с таким трудом и с такой любовью с помощью ба-

кенщика дяди Васи был сделан Баранкиным, оказался разрушенным!

— Пираты! — предположил с грустью Баранкин.

По гранитному откосу набережной Юра с Костей соскользнули на отмель и забрались на борт, на котором по желтому фону масляной краской было выведено:

ПЛАВУЧИЙ ДОМ СОЙЕРА И ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

— Сейчас быстренько отремонтируем и уплывем,— сказал Баранкин, пытаясь отодрать доску с самой середины плота,— лишь бы тайник не был обнаружен!..

Доска разбухла от воды и поддавалась медленно-медленно. На помощь пришел Костя. Просунув валявшуюся на палубе железяку в щель, он поддел доску, и она с тихим мяуканьем приподнялась.

— А куда уплывем? — поинтересовался, кряхтя, Костя.

— Москва-река куда впадает? — ответил вопросом на вопрос Баранкин Малинина.

— В Волгу,— вспомнил Костя.

— А Волга куда впадает?

— Впадает в Каспийское море, а выпадает в Азовское,— ответил Малинин.

— Вот,— подхватил Баранкин,— через некоторое время вместе с Волгой впадем в Каспийский резервуар...— Все эти терпеливые разъяснения Баран-

кин прерывал нетерпеливыми возгласами, вроде таких: «Чудаки и растяпы! Недотепы!.. Ротозеи!..»

— Почему? — заинтересовался Малинин.

— Потому что тайника и не заметили...— С этими словами Юра ловко погрузил свои руки в образовавшийся проем. Под доской в килевом углублении лежала мачта с парусом и кое-какой столярный инструмент. Все это он выгрузил на палубу. Еще он достал кусок клеенки, свернутый в трубку, и когда развернул его, то Малинин смог прочитать: «В связи с тем, что 15 июня объявляется закрытие учебного сезона, то с 16 июня объявляется открытие «Клуба путешественников» при участии Юрия, но не Сенкевича, а Баранкина!»

Отплытие «Дома Сойера» приближалось на глазах Малинина с катастрофической, как ему казалось, быстротой. На всякий случай он задал вопрос, который, по его мнению, мог слегка притормозить это ошеломляющее развитие событий:

— А как же наши папы с мамами? — спросил он с тревожной нежностью в голосе.

— На первой же остановке дадим телеграммы домой,— успокоил Баранкин Малинина, бухая молотком по шляпкам гвоздей.

— Какие телеграммы? — еще больше забеспокоился Костя.

— Срочно конца учебного года вместе Волгой выпадем Каспийское море тчк Днями выпадем обратно Москву-реку воскл Костя зпт Юра тчк.

— А мы эту телеграмму будем давать с по-

верхности Каспийского моря... или с его дна? — спросил, делая наивное лицо, Малинин.

Все это время, пока Баранкин производил мелкий ремонт плота с таким звучным названием «Плавучий Дом Сойера», Малинин больше мешал, чем помогал своему другу, вот и теперь после телеграмм он начал вдруг рассказывать Юре про путешественников на плотах по реке Конго, о которых он прочитал в газете «Труд». Участники хотели на надувных плотах пройти по великой африканской реке от озера Танганьика до Атлантического океана... Однако, преодолев большую часть пути длиной в четыре тысячи километров, плоты, судя по всему, перевернулись на знаменитых порогах реки Конго в юго-восточной части Заира. Других следов пропавших путешественников найти не удалось!.. Рассказывая обо всем этом, Малинин сделал большое ударение на словах «перевернулись» и на «следов пропавших путешественников найти не удалось!..»

— Читать надо,— сказал Баранкин,— не про те плоты, которые с путешественниками переворачиваются, а про те, которые доплывают до цели не перевернувшись!.. И вообще,— добавил Юра,— если некоторые боятся чего-то или кого-то, то якорь еще не поднят!..— При этом Баранкин многозначительно посмотрел на толстую веревку, спускающуюся с приподнятой кормы плота в воду.

— Нет, я в том смысле,— стал оправдываться

Малинин,— что еды никакой не взяли...— Но и тут Косте не удалось заставить друга врасплох.

— Как это не взяли? — сказал Баранкин, втыкая две короткие мачты с парусами, треугольными, как крылья у бабочек, в специальное отверстие на носу плота. На одном треугольнике паруса был изображен пакет, на котором было написано слово «молоко», стрелка, идущая вертикально вниз, переходила в слова «кефир», «сыворотка», «творог». Еще ниже было написано слово «рекиф», еще ниже «ферик», а еще ниже слово «ифекар», после слова «ифекар» стрелка-линия упиралась в большой вопросительный знак. Линия, отходящая влево от слова «молоко», упиралась в слова «сметана» и «масло», а стрелка, ведущая от «молока» вправо, упиралась в слово «сыр». На другом треугольнике второго паруса был нарисован кусок колбасы и выведено слово «колбаса». От «колбасы» вниз тоже шла линия со стрелкой к слову «лясокомбль», дальше вниз стрелка вела к слову «колясамбль», а от него к слову «облекомс», после чего линия-стрелка тоже упиралась в вопросительный знак.

Сидя на палубе «Дома Сойера», который напоминал Косте при внимательном его обозрении что-то среднее между пузатой двухвесельной лодкой и плотом, Малинин таращил глаза на две зашифрованные надписи на парусах, особенно на незнакомые слова «ифекар-ферик-рекиф» или «лясокомбль-колясамбль-облекомс». Чувствовалось, что ошеломленный вид друга доставлял удовольствие

Баранкину, и, чтобы продлить этот «эффект ошеломления», Юра не стал сразу объяснять Косте, что все это значило, тем более что к отплытию все было готово: паруса с загадочными иероглифами подняты, тяжелые весла вставлены в уключины. Юре оставалось, как говорят яхтсмены, только поймать ветер в паруса, поднять якорь и... прощай, Москва-река — здравствуй, матушка Волга! Баранкин помусолил палец и поднял руку над головой — ветра не было, но, судя по всему, подождать можно было спокойно. След их с Малининым был потерян! Великая погоня иссякла! А великое убегание подходило к своему счастливому концу.

— Ладно,— сказал Баранкин,— так и быть, коротенько открою тебе секрет всего этого,— Юра обвел взглядом паруса и начал: — Когда скиснет молоко, из него получается что? — спросил он Костю.

— Кефир,— ответил тот.

— А когда скиснет кефир, что из кефира можно получить? — продолжал спрашивать Юра.

— Творог,— ответил Малинин.

— Правильно,— подтвердил Баранкин.— Творог, что еще?..

Костя пожал плечами.

— Творог и сыворотку... Еще из молока можно получить сметану, масло, сыр... Так?.. Но лично мне этого мало, мне нужно, чтобы испортившийся творог тоже превращался в какой-нибудь съедоб-

ный и питательный продукт, скажем, в рекиф, испортившийся рекиф должен превратиться в съедобный ферик, а испортившийся ферик в питательный ифекар! Понял?..

Понять все это с ходу было выше всяких сил Малинина. Сидя на палубе, он только молча продолжал морщить лоб.

— Это же злободневная проблема,— продолжал разъяснять Юра Косте.

На палубе появилось несколько пакетов молока и колбаса в целлофановой упаковке.

— Очередная проблема, как на время путешествия взять с собой поменьше продуктов и подольше их есть, понимаешь?! То же самое и с колбасой. Испортившаяся колбаса должна превращаться по моему расчету в съедобный лясокомбль, съедобный лясокомбль, испортившись, должен превратиться в колясамбль, а съедобный колясамбль, испортившись, должен превратиться в облекомс... Таким образом, съестных припасов, по моим расчетам, можно будет брать с собой в путешествие в десять—пятнадцать раз меньше, чем обычно. Эксперимент закончен! В нашем путешествии мы легко обойдемся несколькими пакетами молока и батоном колбасы! — Порывшись в открытых дверцах кормового сиденья, Юра извлек из его чрева два полиэтиленовых пакета и, воздев их к вечернему темнеющему небу, сказал: — Вот это рекиф! А это колясамбль!

Костя поднялся с палубы и с подозрением стал

рассматривать в одном пакете что-то буро-зеленое, а в другом зелено-бурое. Оба «препарата» даже сквозь полиэтиленовую оболочку издавали одуряющий и тошнотворный запах, когда же Баранкин развязал мешочки, то Костя покачнулся от удушливой волны, а Баранкин, словно бы потеряв на секунду сознание, опустился на корму...

— И это ты хочешь испытать на нас с тобой? — удивился Малинин.

— Почему на нас с тобой? — тоже удивился Баранкин.— Полагается по правилам сначала на белых мышах... Зря клетку с белыми мышами из больницы лаборатории не попросили у сестры...— сказал Баранкин, отводя оба мешочка как можно дальше от своего носа.

— И еще в цирке клетку с тигром зря не захватили с собой,— подхватил Костя.

— А зачем тигра? — спросил Баранкин.

— Потому что все белые мыши сразу сдохнут от одного запаха твоего калосайла-колбасайла,— объяснил Малинин,— а тигр сдохнет только после первого куска.

— Наверное, я мало бил эту колбасу деревянным молотком,— задумчиво сказал Баранкин.

— Как, ты ее еще и бил деревянным молотком? — удивился Малинин.— Зачем ты ее-то бил, когда этим молотком надо было тебя ударить по башке?!

— Я хотел изменить у этой колбасы кристаллическую решетку...

— Баранкин, ты лучше брось эту колбасайлу в воду, пусть рыбы съедят ее вместе с кристаллической решеткой.

Немного подумав, Юра бросил подопытную колбасу в воду, туда же последовал и сине-зеленый рекиф или, как там его... Не прошло и нескольких минут, как из-за ограды набережной слышался мужской голос:

— Эй, вы,— крикнул рыболов,— вы чего там бросаете в воду, что рыба всплывает кверху брюхом?..

Два друга одновременно посмотрели на водную поверхность. На мелких речных волнах действительно кверху пузом плавали три рыбки. Костя и Юра тревожно переглянулись.

— Ничего мы не бросали,— ответил Малинин.— Ты, Баранкин, понял,— тихо продолжал Костя,— Волга, она, конечно, впадает в Каспийское море, но ни одна больница в Каспийское море не впадает!..

Малинин продолжал зажимать нос пальцами.

— А ты думаешь, что мой лясокомбль пахнет поликлиникой? — спросил удрученно Баранкин.

— Клиникой пахнет твой лясокомбль, а не полуклиникой,— сказал Малинин.

— Хотел поработать за природу, так сказать, помочь ей в виде субботника...— рассуждал Баранкин, разводя руками.— Может, это все от того, что молоко натуральное, а колбаса с добавками, которые мешают дальнейшим превращениям?!

Именно после этих слов сильный порыв ветра надул паруса «Плавучего Дома Соьера», и заметить это Баранкин и дай команду: «Поднять якорь! Отдать швартовые!..», то вся эта история, может быть, окончилась бы совсем по-другому, но Юра был так расстроен своей неудачей с экспериментом над молоком и колбасой, что именно ветра-то он и не заметил, тем более, что именно в это же время рыбак, ворча себе что-то под нос, решил, видимо, переменить место рыбалки, а по набережной со стороны окружного моста к Бородинскому мосту с треском пролетел мотоцикл, тот самый, что маячил возле школы. Это был тот же мотоцикл с тем же парнем за рулем и с тем же Венькой у него за спиной. Заметив все это, Костя и Юра плашмя упали на палубу плота.

— Срочно выгружай все из карманов! — командовал Баранкин.

Чего только не было в этих самых карманах двух друзей. Инвентаризация этого «чего-то» заняла бы страницы две, а может, и три, но мы остановимся только на одном предмете, который среди прочего обнаружил у себя Баранкин.

— Все подозрительно! — сказал Малинин, оглядываясь вокруг. — Почему они нас каждый раз находят? И здесь, наверное, найдут!

Баранкин нахмурился.

— Вот как они узнали, что мы едем именно

в ту школу, где выступали? — продолжал Малинин.

— Как-как? — передразнил его Баранкин. — Спросили у любого участника хора, куда едут автобусы.

— А может, у них действительно есть адская машина наших поисков? — спросил Малинин.

— А что это такое? — озадачился Баранкин, разглядывая странный предмет, который издавал тикающие звуки.

— Не знаю, — ответил Малинин. — Понятия не имею.

— Может, это и есть наш обнаруживатель, так сказать, подтикиватель?..

Малинин хотел выбросить этот предмет в воду, но Баранкин перехватил его и снова положил к себе в карман. В ответ на это Малинин взял цветной мелок из кармана и на куске фанеры написал:

В МОЕЙ СМЕРТИ ПРОШУ ВИНИТЬ...

— рядом с этими словами Костя Малинин изобразил вихрастый профиль своего друга.

— Снимаемся с якоря! — отдал команду Баранкин.

— Если они и в следующем году устроят нам такую же погоню, я не выдержу, — сказал Костя, помогая тянуть якорь из воды за веревку.

— Не выдержишь и что сделаешь? — спросил ехидно Баранкин, пытаясь, как паровоз, — якорь не поднимался со дна.

— Что сделаю?.. Возьму и к-а-а-а-к заучусь!

— Как заучишься? — удивился Юра и с досадой произнес: — Якорь в песок засосало!.. — Вместе с Костей они тянули якорь изо всех сил, но тот не поддавался.

— На хорошо и... даже на отлично заучусь, — заявил Малинин.

— Ты, Малинин, наверное, заболел, — сказал Баранкин и приложил ко лбу Малинина руку. — Точно, жар...

— Свидетели! Легки на помине! — закричал Малинин, показывая рукой в сторону моста.

В это время действительно на окружном мосту появились Зинаида Фокина, Эра Кузякина, Света Умникова, Марина Веткина и другие ребята из класса. А с другой стороны моста к ним присоединилась другая группа преследователей.

— Опять обнаружили! — сказал безучастно Малинин. — Кажется, адская машина все-таки сработала.

— Лезь в воду, за корму! — скомандовал Баранкин Косте.

И друзья, как были и в чем были, полезли в холодную воду. Баранкин-то успел куртку и джинсы скинуть, а Малинин прямо в одежде сиганул. Ребята спрятались по шею в воде за высокой кормой «Плавучего Дома Сойера». Через несколько минут плот был окружен.

Подбежавшие к месту стоянки «Плавучего Дома Сойера» девчонки и мальчишки, Юрины и Костины одноклассники, сгрудились возле парашюта набережной, еще не осознав, что могло здесь произойти, разглядывали диковинный плот с названием, от которого пахло приключениями, сокровищами, пиратами, укусами змей, перестрелками и боем на саблях... Кто разглядывал палубу, кто читал вслух надписи на парусах. Первым на плот забрался Вадим Котов, за ним Миша Яковлев и другие мальчишки. Девчонки перебираться на плот боялись. На них от всего этого веяло чем-то жутким, тем более что плот был пуст и Баранкина с Малининым на нем не было и еще тем более, что на палубе плота валялись курточка и джинсы, в которые совсем недавно был одет Юра Баранкин... А самое страшное, что на плоту рядом с одеждой Миша Яковлев увидел фанеру с надписью:

В МОЕЙ СМЕРТИ ПРОШУ ВИНИТЬ...

— это он прочитал вслух, и все узнали профиль Баранкина.

— Утопли...— сказал кто-то замогильным голосом.

— Добегались!

— Допресследовались!!! И вот результат!

Гробовая тишина повисла над плотом.

— Но почему одежда только Юрина? — спросила Эра Кузякина.

— Все ясно,— произнес Женя Морозов тоном следователя.— Баранкин утонул в трусах, а Малинин в одежде.

— Почему ты решил, что Малинин утонул в одежде? — спросила Эра Кузякина.

— Потому что Баранкин закаленный, а Малинин неженка, он и утонул в одежде, чтобы теплее было.

— Утонули! — охнула Фокина, осознав весь ужас случившегося, и заплакала.

— Конечно!.. Не вынесла душа поэта!..— сказала Марина Веткина, хоть она на каждом собрании ругала Баранкина за то, что он плохо учится, но на самом деле он ей очень нравился.

— Душа поэта! — воскликнула печально и безо всякого возмущения Света Умникова.— Написал одно стихотворение и уже душа поэта!..

— Факт, что довели! — сказал кто-то.— Преследователи!

Траурный митинг начался совершенно стихийно. Каждый пытался вспомнить о Баранкине и Малинине самое хорошее...

Миша: Просто у нас в школе, может, не тому учат,— сказал он с грустью, снимая с головы кепку с большим козырьком,— потому что если бы нас в школе учили тому, что знал Юрий Баранкин и в какой-то мере его друг Костя Малинин, то они были бы в нашем классе отличниками, а мы

бы все были двоечниками!.. Ведь стоит только понять, что к чему, и чтобы расшифровать все загадочные надписи, вопросы без ответов, ответы без вопросов в комнате Баранкина или вот на этих парусах, а значит, и в его голове, понадобятся целые десятилетия, а может быть, и все столетия...

Женя: Просто Юра напоминал, как оказалось, человека, который читал книгу, а думал в это время о чем-то о своем!..

Миша: Точно!..

Света: Главное, другие и за свою-то школу не хотят выступать в концертах, а эти и за чужую школу выступили!..

Миша: И еще как выступили!..

Вадим: И такие перед гибелью стихи написали замечательные!

Спросит Шуру журналист:
«В миллионах километров
От своей родной Земли,
Как вы в бездне очутились,
Здесь, в космической дали?»
.....
Да ботинки занесли!..

Глеб: Юра наш — как солнце,
И только разница одна:
Затмение солнца
Бывает раз в сто лет,

А Юра наш всегда
В затмение,
Лишь раз в году сверкнул
В нем свет!
И то, когда его уж нет!

Марина: Погибли, не решив такой простой задачи!

Вадим: Как это не решив?.. Они решили задачу! Я своими ушами слышал. Решили, когда бежали рядом с какими-то научными работниками! Я об этом уже Михал Михалычу по телефону рассказал. И эти профессора тоже на бегу какую-то задачу нерешенную решили.

Эра: Это в биополе научных работников они решили задачу!

Вадим: Между прочим, Михал Михалыч сказал, что это не Баранкин решил задачу, потому что оказался в биополе профессора, а профессор решил уравнение потому, что был в биополе Баранкина!.. Михал Михалыч так и сказал: за то, что Баранкин с Малининым помогли своим биополем справиться с нерешенным уравнением,— только за одно это я вывожу им годовую тройку по математике!

Все (тихо, сквозь слезы): Ур-р-а!..

Зина: Поздно кричать «ура»! Поздно!

— Надо же,— всхлипнула Светлана Умникова,— несколько дней до окончания учебного года не дожили!..

— И до долгожданных каникул тоже несколько дней не дожили! — поддержала ее Марина Веткина.

Зина: Раз уж они сами такие «недожители», то хоть бы голоса свои нам оставили! Ведь оставался же раньше голос Юры!

Неожиданно со стороны Бородинского моста подкатил мотоцикл со старшим братом Вадима Котова и с Венькой Смирновым. Ребята рассказали им о том, что случилось.

— Если бы они были отличниками, тогда бы еще было жалко, а двоечников за что жалеть? — удивился Венька Смирнов.

— Как тебе не стыдно! — сказала Фокина. Все девчонки снова заплакали в голос...

— А ты-то чего плачешь? — тихо спросил Баранкин хлюпавшего Малинина.

— Мне нас с тобой жалко...

— Так мы же живы... — так же тихо сказал Баранкин.

— Все равно почему-то жалко! — Малинин ревел уже так громко, что его слышали на берегу.

— Слышите? — спросила Марина Эру и Зину. — Баранкина и Малинина нет, а голоса опять есть, а вы мне не верили!

— Хотя и поздно, но мы сдаемся, Юрочка и Костенька! — сказала Фокина, поднимая кверху руки. — Только... пусть эта мертвая вода станет для вас живой!..

— Что вы про живую воду? — возмутился старшекласник.— Их в этой воде искать надо, а они...— и стал спешно раздеваться.

— Если сдаетесь, то это другой разговор,— громко сказал Баранкин из-за кормы «Плавучего Дома Сойера»,— если сдаетесь, тогда мы с Костей живы!..

Наступила тишина. Каждый замер в той позе, в какой его застали слова Баранкина. Старшекласник, лихорадочно стягивавший с себя узкие джинсы, перестал раздеваться.

— Голос! — воскликнула Марина Веткина.— Голос Баранкина!.. Я же говорила, что у него голос иногда может жить отдельно от него самого!..

— Юра! — мистическим шепотом, чуть заикаясь, произнесла Фокина.

Сначала снова наступила тишина. И даже не тишина, а что-то гораздо большее... Целая тишина, в которой отчетливо были слышны еще и всхлипывания голоса Малинина.

— Ну, вот! — прошептала Марина.— И голос Малинина появился...

Затем снова возник успокаивающий голос Баранкина:

— Да перестань ты реветь, как девчонка. Из речки море хочешь соленое сделать?!

— Мистика,— сказал решительно старшекласник.— Если голоса ваших Баранкина и Малинина есть, то и сами они должны быть где-то здесь...— С этими словами он быстро перелез через парапет

набережной и прыгнул на палубу «Плавучего Дома Сойера», затем подошел к корме и, перегнувшись, заглянул в Москву-реку...— Да вот они и сами! — крикнул он радостно на весь берег.— Вот они, голубчики ваши, попались все-таки! Утописты несчастные! Ну и погоняли вы меня с моей машиной по всей Москве! Молодцы!.. Но моя машина поиска тоже молодец! Местонахождение ваше обнаружила ориентировочно правильно!.. Конечно, еще надо над ней поработать!..

Дрожащих от холода Баранкина и Малинина вытаскивали из воды всем миром. У Малинина зуб на зуб не попадал. Оба могли только выговорить, один: «Ва-ва-ва!», другой: «Да-да-да!»

— Да, вразумительная речь, ничего не скажешь! — сказал Венька.— Без переводчика не обойтись!

— Я сейчас переведу,— взялся за дело Яковлев. Глядя на Баранкина и Малинина, продолжавших трястись от холода, он перевел: — Они говорят, что согласны хоть сейчас решить новые задачи и выкопать две положенные им ямы под деревья!..

— Де-де-де,— сказал Баранкин.

— Га-га-га,— сказал Малинин.

— Они спрашивают, где-де-де бумага-га-га,— перевел Яковлев.

— Ла-ла-ла...— продолжал Баранкин.

А Малинин сказал: «Па-па-па...»

— Они еще просят и лопа-па-па-ты,— переводил Яковлев.

— Ма-ма-ма...— в один голос запричитали Баранкин и Малинин.

— Они к мамам хотят,— сказала Зина Фокина.— Ловите скорее такси и везите их немедленно домой! Да вы успокойтесь, оказывается, Михал Михалыч вам уже вывел годовую тройку по математике... Вадим Котов ему честное слово дал, что вы на бегу задачу решили!

Минут через десять на такси Юру с Костей увезли домой...

ЭПИЛОГ

Прошло два дня. И Юра Баранкин и Костя Малинин спали каждый у себя дома ровно сорок восемь часов. Как это ни странно, но проснувшись они одновременно и одновременно спросили у дежуривших возле их кроватей ребят: «Де-де-демы?» — по привычке заикаясь от холода.

— До-до-до-дома...— в тон им ответили Вадим Котов и Миша Яковлев. А Зина Фокина улыбнулась, и Эра Кузякина тоже улыбнулась.

Баранкин позвонил по телефону Малинину и сказал, чуть-чуть дрожа и чуть-чуть заикаясь от недавно пережитого холодного купания в Москве-реке:

— Костя, ты пе-пе-перестал дро-дрожать?.. Я пе-пе-перестал! Срочно оде-де-вайся и бегом в

пришкольный са-а-ад! Решим на земле за-за-задачу и на этом месте выроем яму!..

А Зина Фокина сказала Юре просто так, а Косте в телефонную трубку:

— Да, ребята! Да что вы! Да вы, что ли, все позабыли?! Вы же уже решили задачу! Да еще на бегу! А вместо ямы вы, говорят, в парке как-то целую траншею выкопали... И вообще, в школе уже не надо ни трудиться, ни учиться!..

— Как это, как это — не надо?! — Юра Баранкин удивился просто так, а Костя Малинин удивился в телефонную трубку.

— А так это, так это, так это!.. Уже каникулы! Теперь все переходит и переносится на будущий учебный год!..

— Неужели переносится все? — переспросил Баранкин и, как показалось Фокиной, с большой тревогой.

— Все! — подтвердила она.— А пока... а пока... вы закончили этот год с Костей общегодовой троечкой по математике, а на будущий год начнете с троечки, ладно? А закончите общегодовой четверочкой или даже пятерочкой!.. Договорились? А теперь вам с Костей надо немного отдохнуть... Каникулы!..— вздохнула Зина Фокина и, как показалось Баранкину, вздохнула с большим сожалением.

— Правда, каникулы? — спросил все еще сонный Баранкин.— Жаль, жаль.— Он еще хотел сказать Фокиной, что они (Костя и он!) ни о чем с

Зиной не договаривались!.. И не договорились на будущий год... хотел и вдруг взял и неожиданно, даже для себя, уснул... уснул, как вторично убитый... уснул ровнехонько еще на целых двенадцать часов...

Он спал, зная о том, что невероятные приключения окончились, но не знал, что его еще ждут великие превращения и великая подготовка! И главное — Великая космическая Одиссея!..

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЕ САМОЕ ПЕРВОЕ. <i>Последняя двойка перед каникулами</i>	5
СОБЫТИЕ САМОЕ ВТОРОЕ. <i>Бег ради бегства</i> . .	18
СОБЫТИЕ САМОЕ ТРЕТЬЕ. <i>Неожиданное открытие</i>	27
СОБЫТИЕ САМОЕ ЧЕТВЕРТОЕ. <i>Чем дальше в лес, тем больше дров в полном смысле этого слова</i>	39
СОБЫТИЕ САМОЕ ПЯТОЕ. <i>Киностудия «Нос-фильм»</i>	55
СОБЫТИЕ САМОЕ ШЕСТОЕ. <i>Правила уличного выдвижения</i>	71
СОБЫТИЕ САМОЕ СЕДЬМОЕ. <i>Внуки племянников сыновей братьев Стругацких</i>	98
СОБЫТИЕ САМОЕ ВОСЬМОЕ. <i>Гибель «Плавучего Дома Сойера»</i>	119
ЭПИЛОГ	140

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

МЕДВЕДЕВ Валерий Владимирович

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРАНКИНА

Редактор Н. Бахметьева

Художник А. Шахгелдян

Художественно-технический редактор Н. Ганина

Корректор С. Ковалёва

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.05.96. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура тип «Таймс». Усл. печ. л. 9. Тираж 20 000 экз. Заказ 2982. С 005. Издательство «Сантакс-Пресс». 300058, г. Тула, ул. Кирова, 173-а (ЛР № 063773 от 21.12.94 г.).

Телефоны для реализации (095) 268-25-44, (0872) 41-06-37.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Государственного Комитета Российской Федерации по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

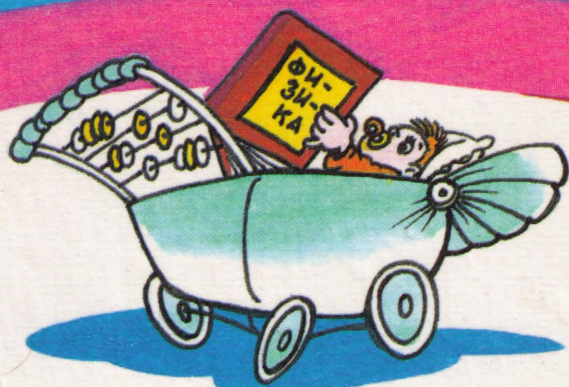

— Ну, Заяц,— крикнул
Баранкин, выскакивая в маске
Волка на школьное
крыльцо.— Ну, погоди!..
Малинин в маске Зайца
прыгнул в сторону остановки
речного катера. Баранкин за
ним. Они уже бежали к
кассам речного трамвая,
когда на школьном крыльце
появился Смирнов.

